

Форс-мажор

Алексей Фомичев

Внешняя угроза

«Автор»

2008

Фомичев А. С.

Внешняя угроза / А. С. Фомичев — «Автор», 2008 — (Форс-мажор)

Лето 1943 года, Курский выступ, двенадцать дней до начала операции «Цитадель». «Смерш» ведет напряженную борьбу с действующими в тылу Красной Армии разведывательно-диверсионными группами противника. В ходе одной из операций в плен к отряду майора Титова попадает группа вооруженных людей, одетых в советскую форму. Результаты допроса оказываются шокирующими. Титову и его товарищам предстоит иметь дело не с германскими диверсантами, а с совершенно невероятным противником. Врагом, который намерен попросту уничтожить все человечество. Времени на раздумье практически нет. Руководство контрразведки принимает рискованное решение – не ставя в известность Москву, найти и уничтожить нового врага собственными силами...

© Фомичев А. С., 2008

© Автор, 2008

Содержание

От автора	5
Часть 1	8
1	8
2	18
3	31
4	41
5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Фомичев

Внешняя угроза

От автора

Эта книга появилась во многом благодаря Михаилу Хлебородову. Именно он около года назад предложил интересную идею – написать историю об инопланетных разведчиках, появившихся на Земле в самый разгар Великой Отечественной войны.

В результате обсуждения идея развилась, обросла деталями и... была принята к работе. На ее основе спустя полгода появилась эта книга. И сейчас автор, пользуясь случаем, искренне благодарит Михаила Хлебородова и за идею, и за доверие воплотить интересный замысел в жизнь.

Вдруг откуда ни возьмись появился...

...На заросший травой берег тихой лесной речушки они пришли, когда солнце уже исчезло за горизонтом и на небе все ярче разгорались звезды. Этот кусок берега был спрятан от любопытных глаз порослью молодых березок и густым кустарником. Ни с воздуха, ни с земли не разглядеть.

Они присели на расстеленную плащ-палатку. Лейтенант провел рукой по брезенту и спросил девушку:

– Тебе не холодно?

За день жаркое июньское солнце так здорово прогрело землю, что даже сейчас она была раскалена. Лейтенант знал это, но с тайной надеждой ждал утвердительный ответ. Ведь тогда будет причина обнять девушку и хотя бы слегка прижать к себе.

Девушка все отлично понимала, но пока не решила, позволять ли лейтенанту вольность или еще поддержать на расстоянии. Ведь они знакомы всего две недели. Ее недавно перевели на узел связи штаба фронта. А лейтенант служил в оперативном отделе. На дежурстве они и познакомились. И вот уже третью ночь вместе ходили сюда смотреть на звезды и разговаривать. До иного пока дело не дошло...

– Сегодня звезды особенно яркие. словно их хлоркой вымыли, – прервал неловкую паузу лейтенант. – Правда, Даш?

Он кашлянул, посмотрел на девушку, пытаясь разглядеть в неярком свете луны выражение ее лица.

– Тихо как, – произнесла она первые за вечер слова. – Уже второй день тихо. И канонады не слышно.

– Так мы ж в полутора сотнях километров от линии фронта! А раньше слышали нашу артиллерию. Дальнобойную, – объяснял лейтенант. – И танки проходили, и самолеты летали. А как части и отделы штаба встали здесь, всякое движение запретили. Вот и тихо. По ночам лягушки поют...

Лягушки действительно квакали где-то слева. А в реке плескалась рыба. Лейтенант – заядлый рыбак – с тоской посмотрел на воду. Прийти бы сюда со спиннингом или бредешком. Не ночью, конечно, а под утро. Ведро точно наловить можно. Уху сварить, чтоб дымком пахла. Да под это дело грамм сто или двести выпить. Хорошо!..

– Тебя на сколько отпустили? – спросил он.

– До часа. Потом мое дежурство.

– Так мало? Что-то вас часто на дежурство ставят!

– Ставят как положено, – возразила девушка. – Так что долго мы здесь не будем.

– Жаль... – вздохнул лейтенант. – А я хотел подольше посидеть. На звезды посмотреть, тишину послушать. И чтобы ты рядом была. С тобой так хорошо.

Девушка посмотрела на него и легонько улыбнулась. Мысли лейтенанта написаны на его лице. И хотя он старше на два года – ему уже стукнуло двадцать, – в некоторых вопросах ведет себя как мальчишка.

– Посидим еще... – многозначительно произнесла она. – Если будешь себя хорошо вести.

– То есть?

– А так... будешь на звезды смотреть. И на меня. Глазами, а не руками!

– Даш, да я!.. – обиженно и горячо начал лейтенант, но девушка его прервала:

– Вот-вот. Кто вчера обниматься полез? Да еще на глазах у девчат?

– Ну прости, я нечаянно...

– Что нечаянно? – сдерживая смех, спросила девушка. – Полез нечаянно или на глазах у девчонок?

Лейтенант хотел было опровергнуть обвинение, не заметив подначки в словах девушки, но в этот момент его взгляд зацепился за крохотную звездочку, что быстро чиркнула по небу и пропала.

– Ой, Дашка, смотри! – воскликнул он, поднимая руку. – Звезда упала! Видела?

– Нет...

– Правда, правда! Я видел. Маленькая такая, скользнула по небу, и все. Я даже желание загадать не успел.

Девушка с улыбкой посмотрела на него и подумала, что этот лейтенант, пожалуй, хороший парень. Руки сильно не распускает, лишнего не позволяет, говорит искренне. Может, и впрямь влюбился. Хорошо, если так. Ей самой он был симпатичен.

– Надо желание заранее загадать, – скрывая охватившее ее смущение, промолвила девушка. – Тогда успеешь в следующий раз...

– Да? Я так и сделаю. Знаешь, что загадаю?

– Нельзя говорить! – предостерегла девушка. – Иначе не сбудется.

Но любопытство взяло верх, и она тут же спросила:

– Ну, говори.

– Чтобы быстрее война закончилась! – горячо сказал лейтенант. – Чтобы дожить до победы, пройти по Берлину. И...

Он запнулся, посмотрел на девушку и несмело закончил:

– И чтобы ты всегда была со мной! Вот!

– Целых три желания, – засмеялась она, довольная его словами. – Надо много звезд. Где же ты их наберешь?

– Ничего, найду! – уверенно сказал он, вглядываясь в ее лицо.

С реки опять подул ветерок. Он прогнал зной и принес долгожданную прохладу. Девушка едва заметно повела плечами, вздохнула, ловя свежий воздух.

– Ты замерзла? – с тревогой и надеждой спросил лейтенант.

На этот раз она кивнула:

– Чуть-чуть...

Он подсел ближе, осторожно обнял ее за плечи и едва-едва прижал к себе. Ладонь сквозь ткань гимнастерки ощутила жар девичьего тела. От этого в голове у лейтенанта зашумело, сердце забухало с утроенной силой.

Девушка замерла, ожидая, что тот будет делать дальше. И думала, позволять ли ему целовать себя и куда именно. В губы – слишком рано. В щеку... Только не сразу. А то решит, что все можно.

Она вскинула на него глаза и вдруг заметила мелькнувшую черточку на небе.

– Смотри-смотри! – воскликнула она, отодвигаясь от лейтенанта. – Опять звезда падает! Видишь? Загадывай желание! Быстрее!

Лейтенант, только-только решившийся поцеловать девушку, мысленно проклял звезду и небо. Но послушно поднял голову. Там на небосклоне и впрямь летела звезда. Как-то медленно, слева направо, по отлогой траектории.

– Ну? Загадал? – азартно шептала девушка.

– Сейчас... Ой! Еще одна! И еще! Смотри, сколько их!

– Целый звездопад! – восторженно закричала девушка, вскакивая на ноги. – Я никогда такого не видела! Никогда! Загадывай желания, Игорь! Быстрее!

Она впервые назвала его по имени, и лейтенант, радостный и взволнованный, тоже встал. Его глаза следили за полетом трех звезд, медленно падавших за луну.

Звезды, загадочно мерцая, солидно и не спеша преодолевали космические просторы и казались ракетами, запущенными с земли. Настолько яркими они были.

– Успел желание загадать? – вновь спросила девушка.

Он повернулся к ней, осторожно обхватил за плечи и прошептал:

– Успел. И про победу, и про Берлин. И про тебя! Значит, ты станешь моей женой!

Он наклонил голову и осторожно, едва касаясь, поцеловал девушку в губы. Вопреки намерениям она не оттолкнула его. Раскрыла губы и неумело ответила на поцелуй.

– Игорек...

– Дашенька... моя...

Занятые друг другом, они не заметили, как одна из падавших звезд вдруг резко ускорила движение и пропала с неба. А две другие изменили траекторию и пошли вниз.

Влюбленным стало не до неба и звезд. Те свою работу сделали – позволили загадать желания. И даже помогли исполнить одно. Больше до них никому дела не было...

Часть 1

Давайте начинать

1

Приказ прибыть в управление Титов получил вечером, сразу после возвращения с осмотра леса под Поньями. Уставшие, измотанные розыскники намеревались отдохнуть хоть немного, но звонок начальства ставил крест на всех планах. Немного подумав, Титов решил оставить группу на месте и ехать один.

От Поньрей до Золотухино всего-то неполных тридцать километров, но преодолеть их было не так просто. Прошлым вечером прошел дождь, и спешившие затемно проскочить открытую местность армейские части, перебрасываемые к передовой, основательно раздолбали грунтовку, превратив ее в вязкий кисель. «Додж 3/4», хоть и имел хорошую проходимость, несколько раз с трудом выскакивал из трясины. Водитель – немолодой уже, но еще крепкий и подвижный ефрейтор Бубнов, – кляня вполголоса начальство, дороги и погоду, объезжал промоины и ямы, наполненные водой, выискивая относительно надежный путь.

На полпути пришлось сделать остановку и съехать с дороги в лес – в небе появились «мессеры». Противник использовал любую возможность, чтобы пошарить по тылам и обнаружить подходящие резервы. Наша авиация не всегда успевала их вовремя засечь и отогнать. Хотя Свобода и прилегающие районы были под особым контролем – там разместили штаб фронта и штабы тыловых служб.

Уже под самым Золотухино машина вновь встала, пропуская длинную колонну пехоты. Глядя на шагавших по обочине увешанных оружием солдат, на еле ползущие орудия полковой и батальонной артиллерии, Титов вдруг подумал, что эту часть немецкие агенты, возможно, уже засекли и теперь «проведут» по цепочке до самой передовой. И что в этом есть и его личная вина.

От таких мыслей становилось совсем погано на душе, и настроение падало все ниже и ниже. Титов глянул на часы и про себя прикинул, что к назначенному часу он уже опоздал и теперь его еще ждет разнос и за это.

На северную окраину Золотухино они прибыли, когда солнце уже начало падение за горизонт и нижний край гигантского диска коснулся верхушек деревьев. Миновав центр, машина проехала к стоявшему немного на отшибе зданию бывшей школы. Одно крыло школы было разрушено попаданием крупнокалиберного снаряда, а остальная часть уцелела. Ее-то сейчас и занимало управление. А в спортзале располагался взвод охраны.

При подъезде к школе «додж» остановили на посту. Старший КПП, сержант, проверил документы у Титова, сличил пропуск и взял под козырек.

– Поставь машину у гаража, – сказала Титов водителю. – Сам отдыхай, только будь рядом.

– Есть, – неохотно отозвался Бубнов.

До выезда он не успел перекусить и рассчитывал перехватить хоть что-то здесь. Если, конечно, командир не сорвет с места...

В коридоре управления царила легкая суета. Сновали офицеры с папками в руках. Дежурный звал кого-то к телефону. Мелькали шифровальщики и связисты. Даже повар в нелепо выглядевшем здесь переднике проскочил перед глазами и исчез за поворотом.

Окна коридора были занавешены плотными шторами, сквозь которые не проникал ни один луч солнца. А свет давали две лампочки, висевшие под самым потолком.

Титов прошел по коридору до следующего поворота, толкнул дверь с табличкой «Директорская» и вошел в приемную. Здесь сидел молодой старлей, адъютант генерала. Увидев майора, он вскочил, поздоровался и кивнул на дверь слева от себя.

– Ждут! Два раза спрашивал...

Майор кивнул, поправил фуражку, проверил воротник и два раза стукнул в дверь. Потом приоткрыл ее и спросил:

– Разрешите?

* * *

В кабинете начальника управления, кроме него самого, были еще два человека. Заместитель генерала полковник Сочнов и начальник розыскного отдела майор Самохин. Они сидели вокруг большого стола, заваленного папками и бумагами. Когда Титов вошел, все синхронно подняли головы и посмотрели на него.

– Проходи, садись, – кивнул майору Вадис, прерывая его доклад. – И слушай внимательно.

Генерал повернулся к Самохину.

– Продолжайте.

– У меня практически все, товарищ генерал. Из перечисленных мной агентурных групп противника больше всего хлопот доставляет группа «Марек». Последнее их донесение, перехваченное вчера,шний раз показывает, что они ведут разведку вдоль веток Щигры – Курск и Буданово – Золотухино – Поньри. И на дорогах, ведущих к тылам армий Центрального фронта. Судя по всему, основная задача группы – обнаружение подходящих к фронту резервов и определение направления их дальнейшего движения. Другие агентуры отслеживают перемещения уже в глубине армейских тылов.

– Распределили обязанности, – недовольно хмыкнул генерал. – Одни засекают подход сил, вторые ведут их, третьи фиксируют конечные пункты маршрута.

– А начало цепочки идет, видимо, из глубины тыла, – вставил Сочнов.

– Да, отработанная схема.

Вадис поднял голову на Титова. Тот уже понял, почему его вызвали к руководству, и теперь торопливо подбирал объяснения, про себя думая, что никакие оправдания и ссылки на тяжелые обстоятельства не уберегут его от разноса.

Но генерал вопреки ожиданию молчал.

– Таким образом, – заканчивал свою речь Самохин, – на сегодняшний день мы не можем говорить о полном закрытии нашей зоны ответственности. Немцы в преддверии наступления увеличили количество забросок агентурно-диверсионных групп. Кроме того, активизировалась оставленная в наших тылах шпионская сеть. И хотя основную часть мы ловим, но кое-кто довольно успешно действует до сих пор.

Самохин замолчал, отодвинул лежащие перед ним листки и посмотрел на генерала. Тот все еще мерил взглядом Титова. Потом негромко спросил:

– Товарищ майор, вы непосредственно занимаетесь делом «Марек». Объясните, почему агентура до сих пор действует, причем так успешно? Почему не дали результата все меры по их поимке?

Титов встал, подавляя невольный вздох и отводя взгляд в сторону. После трехдневного недосыпа голова соображала туго, и мозги еще не разогнались на полную мощь.

– Товарищ генерал. Мы действительно занимаемся группой «Марек» уже три недели. За это время мы совместно с другими розыскными группами и при поддержке войск по охране

тыла обезвредили две вражеские агентуры. И обнаружили сеть законспирированных шпионов, оставленных немцами в тылу. Поэтому раньше не могли уделять «Мареку» больше внимания, чем другим. И только последние пять дней занимаемся лишь ею. За этот срок мы смогли приблизительно вычислить маршрут их передвижений, определить места возможного нахождения схронов и тайников, а также районы, где они могут принимать грузы. У нас есть некоторые предположения относительно дальнейших планов группы. С учетом данных радиоперехватов, с учетом нарастания интенсивности радиообмена мы сделали вывод, что в ближайшие сутки-двое группа «Марек» покинет тылы фронта и направится к передовой, чтобы осуществить переход на ту сторону. Видимо, их срок пребывания в наших тылах подошел концу.

До этого генерал слушал Титова молча, не перебивая. Была у него привычка давать докладчику высказать все, что тот считал нужным. Но сейчас, услышав о вероятном уходе агентов, Вадис не сдержался.

– На основании чего вы сделали этот вывод? И почему именно в ближайшее время?

– Основная цель группы – сбор сведений о прибывающих на фронт резервах и приблизительное определение дальнейшего маршрута. Для этого, кроме наблюдения, агенты использовали и другие приемы получения информации. Захват пленных, контакты с военнослужащими, железнодорожниками и местными жителями, прослушивание телефонных переговоров. Они изрядно наследили и приковали к себе слишком много внимания. Продолжение активной работы ведет к неминуемой поимке. Немецкое командование, желая сберечь ценных работников, должно вывести их из-под удара. Кроме того, «Марек» отвлекает на себя внимание нашей контрразведки и тем самым прикрывает вновь прибывающие группы. Наша активность наверняка обнаружена противником, они понимают, что дни их работы сочтены. Потому и будут выходить к своим. Как альтернатива – уход дальше в наши тылы. Но для этого им необходимо получить новое питание для раций, документы, деньги. Необходимо получить новую задачу. Поэтому в любом случае они появятся в тех местах, где у них оборудованы тайники, или там, где выбраны районы для приема груза. Как я докладывал, мы вычислили эти места. Теперь надо только организовать там засады и... подождать.

– И сколько вы намерены ждать? – спросил Вадис.

– Один-два дня. Гоняться за ними сейчас нет смысла, да и возможности.

– Это еще почему?

– Извините, товарищ генерал, – встал Самохин. – По делу «Марек» работает только одна группа. Мы планировали подключить к розыску группу старшего лейтенанта Гаврилова, но с завтрашнего дня. Гаврилов сейчас заканчивает дело с немецкими агентами, оставленными при отступлении. А отвлекать другие группы мы не можем.

– Ясно. Но медлить нельзя! Москва требует от нас немедленного прекращения утечки информации! Срывается поставка на фронт техники, планы переброски резервов. И только из-за того, что мы не можем поймать нескольких человек! И это в канун стратегической операции!

Генерал встал из-за стола, сделал несколько шагов вдоль комнаты. Мрачно посмотрел в окно.

Повисла тягостная пауза, которую никто не смел прерывать. Соchnов и Самохин смотрели на бумаги, Титов – себе под ноги. Он был уверен в своей правоте, но возражать руководству не мог. Вадис владел ситуацией лучше него. И самые точные, проверенные выкладки исполнителя мало что значили перед стратегической необходимостью.

Генерал же, вышагивая вдоль кабинета, прикидывал, насколько указанный Титовым срок устроит Москву и фронт. Он был в курсе того, что в ближайшие сутки в распоряжение командования фронтом должны поступить новые соединения, а также артиллерийские части из резерва главного командования. Их прибытие вообще идет под грифом высшей секретности. А какая секретность, если в тылах фронта до сих пор успешно работает вражеская агентура?! Вернее – целая сеть.

Немцы в преддверии наступления резко активизировали работу разведывательно-диверсионных групп. Только за прошедшие два месяца были обезврежены более семидесяти шпионов и диверсантов, пойманы несколько групп, направленных специально для устранения командующего фронтом. И территориальные органы поймали более двух десятков вражеских шпионов.

Но деятельность противника в предыдущие месяцы не идет ни в какое сравнение с тем, что они готовят сейчас, когда до наступления остаются считанные дни. И тем более важно полностью перекрыть доступ диверсантам и агентам в тылы фронта. Обнаружить и обезвредить всех, кто будет заброшен. Но сперва поймать уже действующих. А розыскники все тянут!..

Генерал подавил раздражение и повернулся к стоящему столбом Титову. Окинул недобрым взглядом высокую мускулистую фигуру. Машинально отметил измятое, плохо очищенное обмундирование, давно забывшие щетку и ваксу сапоги, покоробленные погоны, небритое лицо и уставшие, красные от бессонницы глаза. Нет, этот парень пашет по-черному. Вряд ли спит больше трех-четырёх часов в сутки. И вроде винить его не за что. Но агенты-то действуют?! Значит, виноват.

Вадис был назначен на должность начальника управления контрразведки фронта только в апреле, еще будучи полковником. Генеральское звание получил в конце мая. Личный состав управления за это время успел узнать хорошо и проверить в работе. И майор Титов всегда был на хорошем счету. Смел, инициативен, с железной хваткой. И что главное – умеет работать головой, мыслить, сопоставлять и делать выводы. Должность старшего оперативно-розыскной группы по большому счету перерос и достоин выдвижения на вышестоящую должность. Вадис не хотел терять такого специалиста, но понимал, что скорее всего Титова заберут на другой фронт начальником розыскного отдела. Правда, тогда в управлении совсем станет туго с опытными розыскниками. За последние месяцы погибли уже три командира групп. И вот две недели назад еще один – капитан Старостин. Ситуация с комплектацией штатов аховая!

Позволив себе короткое отступление, Вадис вернулся к делу.

– Доложите свой план организации засад. Более подробно.

– Есть! Только... – Титов скосил взгляд на Самохина. – Этот план мы разрабатывали с начальником розыска! Собственно, это его идея.

– Идея совместная, товарищ генерал, – подал голос тот. – И возникла она вчера, когда группа Титова проверяла район лесхоза за Березовцем. Там, кстати, была обнаружена предполагаемая площадка для приема грузов.

– Хорошо, докладывайте вы, Сергей Александрович, – согласился генерал.

Самохин взял карандаш, чуть пододвинул к себе карту.

– Суть такова. Мы определили четыре места, где «Марек» может хранить рацию или принимать грузы. Это: опушка леса возле лесхоза под Березовцем, заброшенная деревня Осмыски, роща возле мельницы в двенадцати километрах от Первых Понырей и лес неподалеку от Озерово, в районе реки Тускарь. Эти районы мы вычислили с помощью пеленгации, анализа перехваченных радиogramм и характера работы группы. Однако после дополнительного рассмотрения два последних варианта отпали.

– Почему? – спросил Сочнов.

– Мельница находится относительно близко к Понырям, а станция – под усиленным контролем ПВО. Немецкий транспортник может легко попасть в поле зрения нашей авиации. Та же ситуация с Озерово. Оно прямо за Свободой, а штаб фронта взят под особый контроль. Там тоже не пролететь. Вряд ли немцы станут рисковать и направят самолет в особо охраняемые районы.

Вадис кивнул, признавая правоту Самохина. Тот невозмутимо продолжил:

– Вот и выходит, что наиболее реальными местами появления агентуры являются лесхоз и Осмыски. Оба места были проверены, схронов и закладок не обнаружено. Но так как проверка проводилась только силами оперсостава без привлечения саперов и служебных собак, то говорить о высоком качестве «чеса» нельзя.

Самохин сделал паузу, ожидая вопросов, но ни генерал, ни полковник ничего не сказали. И майор после короткой паузы продолжил:

– Мы решили организовать засады в районах вероятного появления «Марека». По предварительным прикидкам для этого потребуется пять групп оперативников, десяток наблюдателей, полтора десятка радистов с рациями, три инструктора со служебными собаками, отделение саперов со штатными средствами и три взвода для оцепления. Это минимальное количество сил, требуемых для операции...

– Пять групп! – возбужденно повторил Вадис. – Пять групп! Мы оголим остальные участки работы. Кроме «Марека», у нас действуют еще как минимум две разведывательно-диверсионные команды.

– Я знаю, товарищ генерал, – твердо ответил Самохин. – Но у нас нет другого выхода. Иначе мы рискуем упустить «Марека».

Вадис покосился на Сочнова, но тот пожал плечами, давая понять, что сомнения Самохина поддерживает.

– Если приоритетная задача – «Марек», мы должны сосредоточить на них все усилия, – вставил полковник через минуту. – Москву не интересует, как мы это сделаем, они требуют результат!

Генерал вздохнул, недовольно дернул головой.

– Кого хотите привлечь?

– Прежде всего Гаврилова. Группы Ярцева и Базулева. А также капитана Тихонова из управления контрразведки тринадцатой армии. Хорошо бы попросить армейских коллег дать оперативников для наблюдения.

Вадис кивнул.

– Попросим.

– Саперы, радисты, транспорт – все это есть у нас. А роту и кинологов с собаками надо просить у Серебрякова.¹

– Хорошо.

– И еще – десятка два станций для перехвата, пеленгации и возможного глушения рабочих частот.

– Это все?

– Пока все. Думаю, этих сил достаточно, чтобы полностью перекрыть все возможные пути подхода «Марека» и взять их. Живьем, с поличным, с работающей станцией.

– Вашими бы устами... – проворчал Вадис. – Когда планируете начать операцию?

– Утром, в шесть часов выставим наблюдение, а засады организуем с девяти.

– И на какой срок?

– Сегодня двадцать второе июня, – глянул на календарь Самохин. – Завтра и послезавтра... до двадцати двух ноль-ноль двадцать четвертого числа.

– И если после этого срока «Марек» не будет обезврежен?... – угрожающим тоном спросил генерал.

– То поиск будет продолжен, – довольно спокойно ответил Самохин. – Но, видимо, уже не нами...

¹ Генерал-майор Б.П. Серебряков – начальник войск по охране тыла Центрального фронта.

– Вы верно понимаете, товарищ майор, – тихо произнес Вадис. – Москва не станет слушать оправданий. И наказать могут не только вас, но и нас в первую очередь. Поэтому будьте любезны не ошибиться в своих предположениях.

Самохина Вадис знал еще до своего назначения на Центральный фронт. Отдавал должное его уму и таланту розысника, видел, насколько умело тот вел дела. И лично ходатайствовал перед управлением о присвоении ему внеочередного звания «подполковник». В любой другой ситуации он бы не стал говорить таких слов. Но только не сейчас, в канун предстоящего сражения.

– Приказ о начале операции будет отдан в течение часа, – после короткой паузы сказал генерал. – Указанные вами силы прибудут в кратчайшие сроки. Начинайте подготовку. И помните – у вас всего двое суток. Успеха!

Генерал пожал руки Самохину и Титову и опустил обоих. А когда за ними закрылась дверь, посмотрел на своего заместителя.

– Виктор Андреевич, прошу вас лично проследить, чтобы оперативники Тихонова и приданные подразделения прибыли сюда как можно быстрее. О предстоящей операции надо известить Серебрякова, территориалов и управление. Последних я беру на себя.

– Есть, товарищ генерал.

– Хорошо. Давайте начинать!

От генерала Самохин и Титов вышли вместе. Титов думал, что начальник розыска сразу предложит приступить к разработке плана операции, но тот вдруг сказал:

– Давай-ка сперва перекусим. Сам с утра не завтракал, и ты, знаю, голодный. Отправь своего хитрого Тараса за группой, пусть едут сюда. А мы пока хоть что-то закинем в желудок.

Ефрейтора Бубнова Самохин всегда величал хитрым за его смекалку, изворотливость, умение устроиться в самой вроде бы сложной ситуации. Видимо, тому причиной была прежняя работа Бубнова – снабженец на небольшом заводе в Подмоскovie. Как этот хитрец не угодил на спокойную тыловую должность, непонятно. Хотя тылы фронта вполне можно считать теплым местечком.

Впрочем, все это не мешало Бубнову быть смелым, понятливым солдатом, честно исполнять свой долг, а в критической ситуации не терять присутствие духа.

Самохин месяц назад лично подписывал на ефрейтора представление на медаль «За отвагу». За то, что тот один задержал двух немцев-окруженцев, в поисках пропитания забредших на крохотный хутор, где по чистой случайности оказался Бубнов с машиной.

Ефрейтор богатырским ударом отправил одного в нокаут, а второго взял на мушку. Кулак у «снабженца» был пудовым...

– Мы лучше вместе поедим, – возразил Титов.

– Ну, смотри, тебе виднее...

Небольшая столовая при управлении располагалась в одном из уцелевших классов. Хозяйствовал здесь старший сержант Ринат Нигматуллин, до войны работавший поваром в Рязани. Он хорошо готовил блюда русской, украинской и родной татарской кухни, а также умело гнал самогонку, что высоко ценилось офицерами. У каждого розысника была фляга с фирменной «настойкой имени Рината». Незаменимое средство от простуды. После долгих поисков и выездов, когда в сапогах хлюпает вода, а обмундирование промокло до нитки, когда холод пробирал до костей, один-два глотка самогонки придают сил не хуже специальных препаратов, которые розысники не очень жаловали из-за «лишней химии».

В столовой в этот час было пусто, солдаты из взвода охраны уже позавтракали, а офицеры большей частью ели на рабочих местах. Увидев гостей, Нигматуллин вышел из-за стойки и

лично принес большой поднос с тарелками. Его помощник – маленький шустрый солдатик с оттопыренными ушами – нес второй.

– Кушайте, товарищи командиры, – прижимая огромные кулаки к груди, улыбался сержант. – Приятного аппетита!

Скуластое лицо повара выражало искреннюю радость, а черные глаза смотрели весело, даже задорно. К начальнику розыска и Титову Нигматуллин относился с уважением. Впрочем, как и к остальным офицерам.

– Спасибо, Ринат, – кивнул ему Титов. – Попробуем твоего варева!

Подождав, пока тот уйдет, Самохин вполголоса сказал:

– По новым сведениям, немцы начнут через десять дней. Факт, как говорится, не сто-процентный, но близок к истине.

– Десять дней, – повторил Титов. – Это выходит... второго?

– Да. Сам понимаешь, после таких сведений ставка погонит резервы и подкрепления на фронт в два раза быстрее. А значит, возрастает риск засветить подходящие силы перед разведкой противника. Генералу во вчерашнем разговоре с Москвой намекнули на то, что управление не справляется с задачами по обеспечению безопасности фронта. Так что сегодня Вадис выдал каждому по пистону.

– Я заметил, – меланхолично заметил Титов, помешивая ложкой исходящий паром борщ. Запах от тарелки шел такой, что изголодавшийся майор был готов хлебать борщ хоть половником, даже рискуя сжечь глотку. – Все бегают, кричат...

– Это внешняя сторона дела. Еще вчера я рассказывал Сочнову идею операции. Тот в целом ее одобрил, но сказал, что двух суток нам могут не дать. И как альтернативу высказал мысль о сплошном прочесывании выбранных мест с целью обнаружения агентуры или тайников. Мол, надо найти рацию и лишить их связи с центром. Хоть так прервать работу.

– А если у них есть связь с другой группой? Или запасной вариант связи? Мы их спугнем, они уйдут, и что?

Самохин попробовал борщ, довольно хмыкнул, отломил от батона большой кусок и посмотрел на Титова.

– В сложившейся ситуации, возможно, этого и хватит. Прервать им связь, а потом и взять можно.

Титов пожал плечами. И хотел было возразить, но Самохин остановил его.

– Остыло уже, давай жуй. Потом говорить будем. Не здесь.

И решительно опустил ложку в тарелку...

– Как сам думаешь, какое из двух мест наиболее перспективное? – спросил Самохин Титова, когда они после обеда пришли в кабинет начальника розыска.

– Лесхоз, – быстро ответил Титов. – Рядом лес, две опушки. Самое удачное место для организации тайника. И уйти после радиосеанса легко. В двух километрах дорога. До ближайшего населенного пункта почти пять километров.

– А Осмыски? – заинтересованно посмотрел Самохин на собеседника.

Тот пожал плечами, чуть склонил голову.

– Тоже вариант. Но пять дней назад они выходили оттуда на связь. И вряд ли снова полезут.

– После Осмысок «Марек» выходил на связь еще раз, у мельницы. Так что это не довод. Майор немного помолчал, затем тем же тоном продолжил:

– Но я согласен, все же лесхоз перспективнее. Вот там и сядешь. Вместе с Базулевым. А Гаврилов, Ярцев и Тихонов будут ждать «Марек» в Осмысках.

Титов промолчал. Его больше бы устроило, чтобы в паре с ним работал Гаврилов. Все же второй год друг друга знают. А с остальными он познакомился только два месяца назад, когда

тех перевели сюда из резерва Главного управления. В принципе оперативники опытные, хваткие. Ярцев полгода назад получил орден Ленина, у Базулева практика аж с довоенной поры! И состав групп подобран хорошо. Сладят!..

Он еще раз глянул на карту, расстеленную на огромном столе, выделил взглядом отметки, какими Самохин фиксировал места выхода агентов на связь, приема грузов, схроны.

– Товарищ майор, – произнес он. – Введен усиленный режим несения службы. На дорогах патрули, маневренные группы, комендатуры бдят. Выставлены дополнительные посты на дорогах, въездах в населенные пункты...

– Ты боишься, что их схватят раньше, чем они дойдут до места? – как всегда угадал мысли собеседника Самохин.

– Что-то вроде этого. Взять их возьмут, но рация, тайники, связь с центром... Радиоигра... Все может пойти насмарку!

Самохин хмыкнул, поднял голову и искоса взглянул на майора.

– Не исключено. Правда, я уверен, что на патрули, комендатуры и маневренные группы агенты не налетят. Разве что случайно. Но это уже зависит не от нас. Ты генерала слышал – взять в кратчайшие сроки! Приказ Москвы! Так что не до жиру.

Начальник розыска взглянул на часы.

– Двадцать три ровно! В шесть начинаем. Собирай группу и вези ее сюда. Выход на место в... пять часов. Ты и Гаврилов пойдете только со своими группами, посмотрите, наметите места для засад и наблюдателей. Остальные подтянутся к шести. Времени на отдых совсем мало. Так что не тяни, езжай.

Титов кивнул и пошел к двери.

– Да, – окликнул его майор. – Будете возвращаться, захватите группу Гаврилова. У них полуторка навернулась, сидят безлошадные.

– Им тоже «додж» нужен.

– Нужен-нужен... Да где его взять-то? Все наперечет. Вон вы разжились трофеем, а другие не смогли. Вас вообще пора раскулачивать. И «додж», и полуторка!

Титов недовольно хмыкнул и быстро вышел из комнаты. Инициатива Самохина его не радовала. С начальства станется перераспределить транспортные средства в пользу «неимущих»...

* * *

«ГАЗ-АА» – или полуторка, как ее называли, – была закреплена за их группой давно. Машина, конечно, не сахар, по сравнению даже с «ЗиС-5» и тем более со «студебеккером» проигрывала. И «додж» в любом случае был лучше нее, и бензина жрал меньше, и проходимость повыше. Но в одном полуторка выигрывала – с точки зрения маскировки. Мало ли чья машина носится по тылам фронта и армий? Их и так вон сколько во все стороны шастает. Другое дело «додж». Машина американская, кто попало на ней не ездит. Либо артиллеристы, либо начальство. И те, и другие привлекают повышенное внимание.

Потому и не отдавал Титов грузовичок, ездил на нем с группой, когда требовалось соблюсти маскировку. Но и отдавать «додж» не хотел – машин лишних не бывает. Самохин, конечно, скорее шутил, но в случае чего мог и впрямь отнять одну машину. И не знаешь, какую отдавать-то...

Всю дорогу до Понырей Титов думал об этом и о других мелочах, не желая забивать голову серьезными мыслями. Вся предварительная работа сделана, поиск, по большому счету, завершен, и теперь дело за малым – встретить немецких агентов и взять их. Где и когда – в принципе известно. Но как? Об этом следовало подумать, и подумать хорошо. Но сейчас, с чугунной головой, с постоянной зевотой и жутким желанием заснуть, мыслить не стоило.

И майор, мельком глянув на часы, решил покемарить хоть немного. Предстоящая ночь и утро вряд ли позволят утолить самую страшную на этот момент жажду – жажду сна.

Группа старшего лейтенанта Гаврилова прошедшие сутки работала под Гнилой Плотой и Сомово и уже затемно вернулась в Поньри. Обратную дорогу их машина шла на буксире. Приехав на место, Гаврилов доложил Самохину о результатах поиска и о поломке. Тот приказал ждать Титова.

Разговор вышел коротким. Ничем конкретным похвастать Гаврилов не мог, а высказывать версии и догадки по телефону не хотел.

Трехчасовую паузу оперативники использовали с максимальной пользой – легли спать. И к приезду Титова имели довольно бодрый вид. По крайней мере выражение предельной усталости с лиц сошло.

– Здорово, земля! – пробасил Гаврилов, подходя к «доджу». – Примешь безлошадных горемык?

Титов кивнул на следовавшую за «доджем» полуторку и в тон старшему лейтенанту ответил:

– Ну если только разок. Что с вашим транспортом?

– А черт его знает! Семеныч говорит, с мотором что-то. Машина старая, раздолбанная как немцы под Москвой! Как бы не пришлось списывать.

Титов недовольно хмыкнул, думая о своем, и сказал:

– Ладно, поехали. Об успехах потом расскажешь.

– Да нет никаких успехов, в том-то и дело! – недовольно скривил губы Гаврилов, и его веселое, по-мальчишечьи веснушчатое лицо стало злым и напряженным. – Бегали-бегали... и почти впустую.

В его голосе сквозила такая досада, что Титов не сдержал легкой усмешки и сочувствующе посмотрел на старшего лейтенанта.

Командиром оперативно-розыскной группы Гаврилов стал недавно. Две с небольшим недели назад на железнодорожной станции во время перестрелки с замаскированными под советских военнослужащих немецкими агентами погиб прежний командир группы капитан Старостин. Пуля попала точно в сердце.

Так неожиданно для себя Гаврилов стал командиром группы. В принципе до этой должности он дорос давно, был опытным и смелым оперативником, имевшим за спиной три года работы в органах контрразведки. И сейчас старался изо всех сил показать, что назначение было не случайным, что он оправдывает доверие.

В старших лейтенантах ходил последние дни. Новое, слегка запоздалое звание должны были вот-вот присвоить.

Выглядел Гаврилов несколько моложе своих двадцати пяти. Высок, строен, подтянут, прекрасно тренирован. Может, только улыбка, кстати и некстати мелькавшая на губах, придавала его лицу несерьезное выражение. Но сейчас улыбки и след простыл. Губы сжаты, глаза смотрят мрачно, вид недовольный.

– Садись, – повторил Титов, проследил, как трое оперативников побросали пожитки в кузов полуторки, сноровисто залезли сами, и дал команду Бубнову: – Поехали!..

Совещание в управлении началось в половине первого ночи. Вел его Самохин. От руководства управления был Сочнов, НКВД представлял заместитель начальника войск по охране тыла полковник Шалимов.

Кроме старших оперативно-розыскных групп, были командиры маневренных групп НКВД, капитан Хлестов от местного отдела НКГБ и инженер-майор Радченко, отвечающий за связь.

После рассмотрения деталей плана операции, распределения обязанностей и постановки задач Самохин поинтересовался, есть ли у кого вопросы.

– Максимальные сроки проведения операции? – подал голос полковник Шалимов.

– Мы несколько скорректировали их в связи с требованиями штаба фронта и Москвы. Начало в шесть часов двадцать третьего июня. Завершение – в восемь утра двадцать четвертого.

– А если за это время «Марек» не будет захвачен?

Самохин вздохнул, обвел взглядом присутствующих. Все люди опытные, понимающие толк в деле. Они как никто другой знали, что может произойти всякое. И что гарантий поимки агентов дать никто не может.

– Если «Марек» не будет захвачен, – ответил вместо Самохина Сочнов, – мы продолжим поиск, но уже с привлечением дополнительных средств и сил. Придется выходить на Москву, чтобы она помогла. Придется объявлять чрезвычайный режим поиска.

Сочнов не стал говорить о том, какие последствия будет иметь неуспех дела для него и руководства «Смерш», но все и так понимали – ответственность за провал понесут все.

– Режим несения службы комендатур, контрольных постов и пунктов остался прежний, – подал голос командир одной из маневренных групп. – Вы не хотите спугнуть их?

– Верно. Пусть дойдут до места более-менее спокойно. Мы также не стали выдвигать в районы возможного нахождения «Марека» наблюдателей и опергруппы. Все это будет сделано в случае неудачи. Однако патрулирование вашими группами продолжается.

Больше вопросов не было. Самохин выждал полминуты и произнес:

– В таком случае приступаем!

Сочнов взглянул на часы – они показывали половину второго – и добавил:

– Да, пора!..

2

Официально операция началась в два часа ночи двадцать третьего июня. Несколько десятков приказов, разосланных управлением контрразведки, руководством НКВД, НКГБ, несколько циркуляров, пояснений, дополнительных документов предварили развертывание сил, задействованных в деле.

О предстоящей операции знали только те, кто непосредственно принимал в ней участие. Комендатуры, тыловые управления фронта, армейские части были не в курсе происходивших событий. Впрочем, им это и не надо знать. Им и так забот хватало...

Покончив с рассылкой приказов, Сочнов и Самохин перешли к подготовке самой операции. По предварительному решению полковник оставался на месте, координируя действия всех служб, а Самохин выезжал в Березовец. Хотя оба варианта были одинаково реальны, он лично считал, что «Марек» будет именно под Березовцем.

Передвижной пункт управления – небольшой трофейный автобус и бронетранспортер охраны – был оборудован тремя мощными радиостанциями, штатом радистов и шифровальщиков. Иногда Самохин предпочитал автобус любому зданию, привыкнув за эти годы к кочевой жизни и минимуму удобств.

Уже перед самым отъездом вышедшего на улицу Самохина окликнул Сочнов:

– Обрадую тебя. Приказ пришел – теперь ты подполковник! Поздравляю!

Самохин кивнул. Что ж, этого следовало ожидать. Говорили о присвоении давно, а случилось сегодня перед самой операцией.

– Спасибо, товарищ полковник.

– Не за что. Закончим сегодня дело – отметим! – сказал Сочнов так уверенно, будто заранее знал, что именно сегодня поймут немецкую агентуру и многонедельная нервотрепка закончится. – Бывай!

Новоиспеченный подполковник залез в автобус, посмотрел на офицеров и сидящих в дальнем углу радистов и сказал:

– Поехали.

Следом за автобусом от школы отъехал бронетранспортер, тоже трофейный, с десятком бойцов из комендантской роты. Синий маскировочный свет фар едва-едва разгонял ночную тьму, подсвечивая дорогу под самыми колесами. Через полминуты машины растворились в темноте...

Дождь начал накрапывать где-то с полпятого. Мелкие капли долбили по грунту, по песку, траве, листьям деревьев, крышам домов. По пилоткам, каскам и плащ-палаткам пехотинцев, идущих по дорогам, по броне танков и самоходок, по холкам лошадей, тянущих повозки, орудия, телеги.

Низкие темно-серые тучи низвергали на землю сплошной поток воды, который становился все сильнее и сильнее. Июньское солнце, обычно встающее уже в четыре часа, в этот раз надежно спряталось за плотной завесой и только немного разогнало ночную тьму.

Немецкая авиация сидела на аэродромах, прикованная к земле непогодой, и, пользуясь случаем, советское командование перегоняло к фронту части и соединения. Дороги опять были забиты пехотой, танками и машинами.

И без того разбитые грунтовки превратились в трясину, где тонули не только солдатские сапоги, но и вязли колеса машин, повозок. Да и танки, и самоходные орудия садились на днища. Надрывный рев моторов, испуганное ржание лошадей, мат и крики людей – весь этот гвалт висел над дорогой на протяжении многих десятков километров. И все это происходило почти

в полной темноте. Хотя кое-где особо наглые и бесшабашные водители включали фары, чтобы хоть что-то различить под колесами машин. Злые, рассвирепевшие командиры налетали на них коршунами, материли, заставляли гасить свет, кому-то раздавали зуботычины. Но едва они уходили, фары вспыхивали вновь.

При таком скоплении людей и техники патрульные группы, этапно-заградительные комендатуры, маневренные отряды с трудом просеивали всех проходящих и прибывающих. В связи с чем резко возрастал риск пропустить вражеских агентов. И тех, кто уже был в розыске, и тех, кто еще не попал в поле зрения контрразведки.

Группы наблюдения за выбранными местами выставили, как и было запланировано, в шесть часов. К тому моменту дождь уже перешел из мелкого в проливной, поэтому пришлось вносить некоторые коррективы в расстановку постов. В половине восьмого полковник Сочнов высказал сомнение, что «Марек» вообще появится в указанных местах. Немцы вряд ли пошлют самолет с грузом, а рация с ослабленным питанием может и не «добить» до центра. В таких условиях агенты могут отказаться от сеанса.

Вадис, выслушав доводы заместителя, нашел их разумными и запросил Самохина. Тот уже прибыл в Березовец и организовывал связь с опергруппами. Самохин сомнения Сочнова разделял, но предложил не сворачивать операцию. По крайней мере до определенного срока.

Генерал взял паузу на размышление. Еще через полчаса ему на стол легла шифрограмма. В тылах Центрального фронта обнаружены две новые агентурные команды противника. А на станции Щигры произведена неудачная попытка задержать несколько подозрительных лиц. Судя по всему, там работала еще одна агентурная группа. Почти сразу за этим уже из главного управления пришло сообщение. По сведениям Москвы, в ближайшие дни, а может, и часы в тылы фронта будут брошены еще несколько вражеских агентурных и диверсионных групп. Все это требовало к себе самого пристального внимания, разработки мероприятий по своевременному обнаружению и нейтрализации диверсантов, внесения корректив в прежние планы работы. Причем неотложно!

А начальник розыска и заместитель выбыли на сутки! Вадис лихорадочно размышлял, как быть. Срывать операцию нельзя – сколько ее готовили, да и «Марека» надо брать! Но, сосредоточив на этом деле столько сил, можно упустить других агентов. И штат сотрудников не резиновый. А усиления в ближайшее время не предвидится.

После недолгого размышления Вадис решил отозвать Самохина в управление. А общее руководство операцией возложить на Сочнова. Решение не ахти какое, но иного выбора у Вадиса не было. И он начал менять план операции на ходу...

Получив приказ генерала, Самохин выехал в Золотухино, оставив на прежнем месте офицера для координации и связи. Вызов его не радовал – тщательно разработанный план летел к чертям!

В начале девятого Гаврилов и Тихонов доложили о начале выдвижения к выбранным для засад районам. К тому моменту дождевой фронт сдвинулся на запад. В Осмысках и окрестностях дождь перестал идти, а небо понемногу светлело. А Березовец все еще омывал ливень. Группы Гаврилова, Ярцева и Тихонова уже занимали места, а наблюдатели, сидевшие в деревне, выдвигались к лесу и дороге. Титов же пока только следовал к лесхозу.

В половине девятого в управление вернулся Самохин. Он успел переговорить с генералом и просмотреть полученные шифровки. А потом поступили сразу несколько сообщений. Из Москвы, от территориальных органов и от службы радионаблюдения.

В восемь двадцать неподалеку от дороги Косоржа – Щигры возле посадки были слышны выстрелы – пистолетные и автоматные. Водители проезжавших мимо машин дали об этом

знать на первом же контрольном посту, и к указанному месту в срочном порядке была выслана маневренная группа. Результатов пока нет.

В восемь сорок пять шифровкой из главного управления сообщили, что двадцатого и двадцать первого июня немцы забросили в наш тыл еще три диверсионно-разведывательные группы, укомплектованные опытными, хорошо обученными агентами, прошедшими подготовку в разведшколах Варшавы и Конотопа, а также в спецшколе Восточной Пруссии.

Основными задачами заброшенных диверсантов являются сбор сведений о передислокации войск в ближайшем тылу Красной Армии, обнаружение командных штабов корпусов, армий и фронта, диверсии на железных дорогах, убийства командного и политического состава Красной Армии.

В приложении к шифровке приводились некоторые данные и словесные портреты агентов. Кроме того, были высказаны определенные предположения относительно вероятных районов действий групп.

Отдельно указывалось, что в ближайшие сутки в наш тыл будет заброшена особая диверсионная группа, имеющая задание устранить командующего Центральным фронтом Рокоссовского К.К. Управлению контрразведки фронта предложено усилить работу по выявлению вражеских агентов и недопущению совершения ими диверсионных актов.

Данные требовали самого пристального внимания и тщательной проработки всех версий, а также составления плана работ по поиску новых групп. Но сейчас ни Самохин, ни сам Вадис не могли этим заниматься из-за проводимой операции. Что, конечно, не могло не беспокоить их обоих.

Не успели контрразведчики прочесть шифровку, как поступило еще одно сообщение. На окраине села Мигуньково квартировавшими там бойцами из состава отдельного саперного батальона замечены некие лица, идущие вдоль леса к дороге на Березовец. При попытке подойти к ним неизвестные ускорили шаг и скрылись в лесу. Командир саперной роты старший лейтенант Кужлев запретил преследование и доложил о произошедшем командиру.

– Возможно, это «Марек» и есть. И идут они к лесхозу, до которого оттуда всего пять-шесть километров, – высказал предположение Самохин.

– Надо срочно связаться с саперами и уточнить, кого именно они видели. Количество людей, одежда, оружие, вещи... – сказал Вадис.

– И у нас никого под рукой! – досадливо промолвил Самохин. – Все заняты.

– Мой адъютант съездит! – предложил генерал. – На «виллисе».

Но отдать распоряжение Вадис не успел. В кабинет, едва не сбив его с ног, вбежал командир взвода связи.

– Товарищ генерал! Ярцев передал – группа «Марек» захвачена в Осмысках! Только что!..

Самохин и Вадис вскочили, глядя на связиста. Потом посмотрели друг на друга.

– Почему Ярцев передает, где Гаврилов?

Связист – немолодой уже лейтенант – пожал плечами и неуверенно ответил:

– Н-не знаю... В сообщении об этом ничего нет. Только доклад о захвате.

– Я еду туда! – Самохин рванулся к двери. – Надо предупредить Титова, чтобы снимал засады и наблюдение с лесхоза!

Подполковник выскочил за дверь. Вадис посмотрел на связиста.

– Срочно шифровку Титову! Снять засады с лесхоза и вернуться в управление. Операция завершена, цель достигнута!

– Есть, товарищ генерал! – неловко козырнул лейтенант и тоже вышел из кабинета.

Вадис хмыкнул, довольно хлопнул ладонью по столу и вслух проговорил:

– Но почему докладывал Ярцев? Где Гаврилов?

...Деревня Осмыски была расположена почти на границе Курской и Орловской областей. Уже довольно давно она пустовала. Из полусотни домов уцелело меньше десятка. От остальных остались лишь печки, да и то не везде.

Последние жители отсюда ушли еще зимой, когда немцы, гоняясь за партизанами, сожгли почти всю деревню и расстреляли около десятка жителей – тех, кто был связан с партизанами. Впрочем, и стреляли, и жгли каратели из добровольческих отрядов русской полиции. Немцы лишь командовали, наблюдали да увезли с собой пять человек – молодых парней и девчат лет четырнадцати-пятнадцати. Уцелевшие – в основном старики и несколько детей – покинули выжженную деревню. Кто-то нашел пристанище у родни, кто-то пошел к партизанам.

Когда Красная Армия освободила район, никто в Осмыски не вернулся. Кого-то давно схоронили, кто-то воевал... Так деревня и стала брошенной.

С точки зрения обустройства здесь тайника место было практически идеальным. До леса около километра, от опушки до самых огородов идет глубокий овраг, заросший кустарником, лопухами и травой. Уцелевшие дома дают приют, укрывают от случайного взгляда. И потом, в радиусе десятка километров ни одного важного военного объекта – штабов, складов, районов дислокации частей. Одиночный самолет, да еще ночью, вполне мог проскочить систему ПВО и выйти на точку.

Опергруппы прибыли в Осмыски в начале девятого. Гаврилов лично выбирал места для засад, а приехавший потом Самохин одобрил выбор. Сам старший лейтенант с группой должен был сесть в ближнем от дороги уцелевшем сарае. Правда, уцелел тот чисто формально – две стены и проваленная обгорелая крыша. Зато обзор из него отличный. Капитан Ярцев по расписанию занимал дом на противоположном конце деревни и держал под контролем дорогу, уходящую к большаку. А группа капитана Тихонова обосновалась неподалеку от края оврага, где стояли плодовые деревья, заросшие травой и репейником.

По приезде Гаврилов получил доклад от наблюдателей, еще раз сам обошел места засад, обговорил порядок действий с приданной маневренной группой (та базировалась на складе разрушенного МТС в двух километрах от деревни). Затем послал шифровку Самохину и приказал оперативникам занять места.

Но сделать это оперативники не успели...

Часто так бывает – готовишь операцию, концентрируешь силы и средства, и вроде врагу некуда деваться. А он раз – и уходит! И все труды насмарку!

Бывает, что ожидание затягивается до последнего, сжигая натянутые до предела нервы. И все висит на волоске, а успех сродни чуду.

Но иногда все происходит быстро и неожиданно. И нужный результат приходит еще до того, как ты готов. Р-раз – и он выложен на блюдечке! Но за такие подарки судьбы надо платить. А судьба – богиня старая, языческая. Ей подавай настоящие жертвы. Кровавые! Да побольше, побольше!

...Второй пост наблюдения – оперативник-стажер и радист – обнаружил группу неизвестных людей, когда те миновали почти половину оврага и уже выходили к саду. Виной тому стали плохая видимость и усталость – всю ночь наблюдатели не смыкали глаз.

Группа Тихонова получила сообщение на подходе к месту засады, перестроиться или уйти они уже не успевали. А незнакомцы заметили движение и приготовили оружие.

Дальше все произошло спонтанно. Тихонов выскочил к оврагу с криком «Стой, не двигаться!». Будь это свои, приказ был бы выполнен или по крайней мере оспорен. Но к деревне шли «не свои». Короткая очередь прошила грудь капитана. Немецкие агенты хорошо умели стрелять и с двадцати шагов навскидку не мазали.

Капитан рухнул в траву, успев прохрипеть «Живьем!». Лейтенанты Попов и Маслаченко немедленно открыли ответный огонь, целя выше голов, стараясь прижать противника к земле. А радист тут же передал сигнал тревоги. Но он был лишним. Стрельбу слышали все.

Ближе к месту боя была группа Гаврилова. Старший лейтенант сориентировался мгновенно. И приказал зайти во фланг противнику. Трое оперативников побежали по деревне к лесу, отрезая пути возможного отхода.

Агенты уже поняли, что происходит, и сдаваться не думали. Отвечая короткими очередями и сдерживая оперативников, поползли по оврагу назад, к лесу. Они преодолели две трети пути, когда с фронта ударила подоспевшая группа Ярцева, а с тыла зашла группа Гаврилова.

Зажав агентов в овраге, оперативники начали сближение. Вместо короткой сшибки вышел открытый бой, где обороняющиеся имели важное преимущество – они убивали врагов, а те хотели взять их живыми.

На вызов примчалась маневренная группа, создав второе кольцо окружения. Агенты уже поняли, что им не уйти, и решили продать жизни подороже. Все они были тренированными, опытными бойцами, оружием владели отменно. Против них тоже работали профессионалы. Но скованные приказом и необходимостью щадить врага.

Двадцатиминутная перестрелка закончилась победой оперативников, что и следовало ожидать. Но за победу они заплатили дорого. Погибли старший лейтенант Гаврилов, лейтенант Попов и оперативник из группы Ярцева. Еще четыре человека были ранены.

Из агентов в живых остались двое, причем один – радист – был тяжело ранен. Старший группы и второй радист погибли.

Капитан Ярцев, взявший командование на себя, по горячим следам допросил пленного и дал шифровку Вадису. В ней он сообщил самое главное на тот момент – вражеская агентурная группа «Марек» уничтожена. Живыми взяты радист и еще один агент. А также рация, шифровальные документы, бумаги, удостоверения, бланки и – что особо важно – карта!

Главная задача была выполнена, группа «Марек» нейтрализована. А то, что операция пошла наперекосяк и контрразведчики понесли тяжелые потери, – уже вторично.

...Приказ свернуть подготовку засад Титов получил в половине десятого. В короткой шифровке из управления было сказано, что конечная цель операции достигнута.

Отдельно указывалось, что группа старшего лейтенанта Базулева должна немедленно отбыть на прежнее место и продолжить работу. А маневренной группе НКВД предписано выехать к штабу войск по охране тыла.

Титов мимолетно порадовался за Пашку Гаврилова. Первый серьезный результат в должности старшего группы. Как раз капитанство свое обмает вместе с наградой. За орденом дело не станет, Вадис и Самохин в таких делах щепетильны.

Передав приказ Базулеву и командиру маневренной группы, Титов вернулся к своим. Оперативники уже перебрались из кустов, где сидели в засаде, в домик егеря. Кроме него, здесь больше целых зданий не было. Лесопилка, установленная под большим навесом, сгорела, склад на ладан дышит и протекает, сарай еще стоит, но одной стены нет и крыша снесена. Второй жилой дом почти до основания разнесен прямым попаданием не то авиабомбы, не то крупнокалиберного снаряда.

– Отбой, хлопцы! – скомандовал Титов, глядя на оперативников. – Я всех уже отпустил, мы выедем вслед за ними.

– Эх, подфартило Павлу! – крикнул старший лейтенант Кульков, вскакивая на ноги и подходя к окну, забранному чудом уцелевшим стеклом. – Чуяла моя душа, что не ляжет нам карта!

– Ляжет, не ляжет... Какая разница.

Майор прошел в глубь комнаты, тронул бок небольшой печки. Отряхнул пальцы и посмотрел на лейтенанта Парфенова.

– Коля, давай к Матвейчу. Пусть подгонит машину сюда.

Стоявший у окна Кульков внимательно разглядывал кроны деревьев и стену ливня, что за последние двадцать минут только усилился.

– Командир, – промолвил он, когда Парфенов подошел к двери. – А чё нам-то спешить? Дождь вот-вот закончится. Вон как гроыхает на прощание! Переждем и поедем. А то пока Матвейч тент натянет в кузове! Да и все равно мокрые будем. А?

Титов глянул на Кулькова, на замершего у двери Парфенова и на сидящего у печки лейтенанта Кузнецова. В его глазах было такое нежелание выходить под ливень и трястись по ухам в кузове полуторки, слушая раскаты грома, что майор невольно хмыкнул.

– Двадцать минут, говоришь?

– А то! Смотри, как молнии сверкают...

– Базулев, между прочим, выехал. И маневренная группа с наблюдателями убыла.

– Ну так у них приказ! Нам-то срочных дел не поручали. Двадцать минут – большая проблема!

Титову и самому не хотелось ехать в дождь. Да и полуторка проедет ли по окончательно раскисшему тракту? Сюда его группа приехала на грузовике, имея в виду, что обратно, возможно, придется везти «гостей» и их снаряжение. В «додж» все бы не влезли, а брать две машины нельзя – маскировка превыше всего.

Вот майор и смотрел в окно, прикидывая, нужен ли он так срочно Самохину и Вадису или можно выждать буквально полчаса. Кульков прав, ливень скоро пройдет. А мокнуть нет никакого желания.

– В управлении сейчас все равно суматоха, не до нас, – высказал последний довод Кульков. – Еще и ждать придется...

– Л-ладно, – как бы нехотя протянул Титов. – Полчаса отдыхаем. Вадим, скажи радисту, пусть отошлет сообщение, мол, задерживаемся на месте на полчаса, прибудем... к одиннадцати часам.

Радист, приданный группе, сидел во второй комнате. Сушил плащ-палатки, которыми была укутана рация и он сам. Впрочем, сейчас сушились все. Оттого в избе стоял устойчивый запах пота и влаги.

– Ну, коли есть время, не грех и перекусить, – сказал Кульков, глядя на командира. – А то ночью как-то было недосуг. Да и согреться надобно. Все вымокли.

Майор хмыкнул, поймав лукавый взгляд старшего лейтенанта, и кивнул. Теперь можно расслабиться.

– Ладно, доставайте продукты. Но только быстро. Через полчаса выезжаем...

Кулькова два раза просить не надо. Он мигнул лейтенантам, они быстро расстелили сохнущую плащ-палатку. Оперативники споро расставляли на ней консервные банки, завернутые в бумагу бутерброды, фляги с холодным чаем, кулек с вареной картошкой, хлеб, соль, лук...

Из соседней комнаты вышел радист – низкорослый плечистый сержант лет тридцати. На его бледноватом лице выделялись гренадерские усы, служившие предметом незлых подковырок оперативников и сослуживцев.

Увидев такое богатство на плащ-палатке, сержант растянул губы в довольной улыбке и достал из вещмешка завернутый в бумагу добрый шмат деревенского сала.

– Ого! – воскликнул Кузнецов. – Вот так стратегический запас! Как ты его сохранил-то?

– Это меня кум снабжает, – немного смущенно ответил радист, поглядывая на Титова. – Он в хозроте служит, старшиной...

– Ну понятно. У какого старшины нет заначки для родича! Сидай, сержант, поедем хоть. Эх, Матвейча еще позвать бы!..

– Матвеич ни за какие коврижки и сало не выйдет под дождь, – заметил Кульков. – Страсть как не любит воду! И все из-за машины – боится, что намокнет... да и есть у него чем перекусить...

Через пару минут импровизированный завтрак был готов. Консервы вскрыты, хлеб, сало, лук порезаны, картошка очищена. С разрешения Титова Кульков налил всем по пятьдесят грамм спирта, а воду уж добавлял каждый по вкусу. Ели не спеша, но в то же время быстро. Успевая переброситься парой слов.

Майор все думал об операции. Повезло Гаврилову – на него вышли агенты. Хотя по всем расчетам должны были быть здесь. А может, и хотели сюда прийти. Дали бы сеанс с центром, запросили самолет и встречали бы у лесхоза. Раз рация была с ними, значит, точно готовили связь... Что ж, как ни крути, но с «Мареком», по большому счету, покончено. И теперь группу Титова переориентируют на других агентов. Их последнее время забрасывают все чаще... Видать, и впрямь вот-вот наступление.

От мыслей его отвлек негромкий смех. Кульков по своему обыкновению что-то травил. Видать, опять вспоминал свое бурное детство, когда был шпаной московской. Титов глянул на веселые лица оперативников и вдруг подумал, что ему повезло с парнями. Как в принципе всегда везло по жизни на хороших людей.

Вот старший лейтенант Кульков. Был в детстве хулиганом, связался со шпаной. Пара приводов в милицию, постановка на учет. Хорошо, отец помог, отправил лоботряса в армию. И попал новоявленный защитник Родины в погранвойска. Служба понравилась, и младший сержант Кульков остался в строю. Окончил курсы, стал младшим командиром. Войну встретил старшим сержантом. С начала сорок второго года – розыскник. Три ордена, две медали, красная полоска – ранили в том году при задержании диверсантов.

Опытный, умелый, хваткий. По большому счету, готов стать старшим группы. И если его, Титова, все же переведут (слухи уже ходят), то рекомендовать он будет именно Кулькова. Хотя кое-кому в управлении не нравится его слишком веселый нрав и острый язык. Но Самохин за него горой, знает, каков тот на самом деле.

Лейтенант Парфенов. Пришел в контрразведку полгода назад вместе с Кузнецовым. Был заместителем командира разведроты в стрелковой дивизии. Воюет почти два года. Кстати, кадровик – должен был увольняться в запас, но тут война. А дальше обычное – ускоренные курсы младших лейтенантов, взвод, полковая разведка, а потом вот взяли в дивизионную.

На новом месте сперва терялся, как и все новички, но потом привык. Вошел в курс дела и вот сейчас уже довольно опытный розыскник, успел получить орден весной.

Лейтенант Кузнецов. Вылитая копия Парфенова – рост высокий, плечи литые, волосы светлые и выражение лица почти одинаковое. Хоть и не братья. Кузнецов – сибиряк, спортсмен. Занимался борьбой вольного стиля,² брал призовые места на соревнованиях по стрельбе.

В армию попал зимой сорок первого, солдатом. В Сталинграде был уже старшим сержантом. Там же получил первое офицерское звание. Командовал штурмовой группой. За что был награжден орденом Ленина. После ранения его направили в контрразведку. А два месяца назад Кузнецов стал лейтенантом.

Тоже поначалу был не в своей тарелке, но привычка достигать результата сыграла свою роль, и теперь Кузнецов – хороший оперативник, розыскник. И кстати, очень хороший сапер. Опыт Сталинграда сказывается.

² После ареста и гибели основателя новой школы рукопашного боя Василия Ощепкова слово «дзюдо» из названия убрали и стали использовать новый термин.

Титов вдруг поймал себя на мысли, что думает о своих товарищах так, словно прощается с ними. Эта мысль ему не понравилась, и он отбросил ее подальше. Глянул на часы – было почти десять. Ливень за окном действительно стих, хотя молнии еще разрывали небо узкими яркими зигзагами. Но ехать можно...

Майор хотел уже дать команду на сбор, когда входная дверь открылась, и в комнату вбежал насквозь промокший, уляпанный грязью Матвеич.

– Командир! Товарищ майор! – с порога крикнул водитель. – Там!..

Он махнул рукой куда-то в сторону и повторил:

– Там... Идут! Прямо на нас. Человек пять-шесть.

Титов вскочил на ноги, машинально отыскал взглядом прислоненный к стене ППС. Из розыскников встал только Кузнецов. Остальные слушали сидя, не проявляя особого беспокойства. Мало ли кто ходит здесь?

– Далеко? – спросил Титов.

– Метров сто пятьдесят... Молния сверкнула, я их и увидел. Иначе хрен бы различил. Хлещет-то как! Форма вроде наша, но так толком не видно, – добавил уже сам водитель, понимая, что может интересовать оперативников.

Титов секунду размышлял, глядя на Матвеича. Кто это мог быть? Отставшие от части солдаты, решившие переждать непогоду в лесу? Разведка войсковой части, посланная вперед для осмотра места, куда скоро должна прибыть часть? Но лесхоз в стороне от тракта, войска идут мимо и здесь никогда дневки не устраивали. Тогда кто?

Водитель так и стоял у входа, не закрыв за собой дверь. Лицо Матвеича мокрое, с пилотки и с накидки капает. Не любит он дождь, ох не любит. И только по-настоящему важная причина может выгнать его на улицу...

– Так! – повернулся к своим Титов. – Посмотрим, кто это шляется в такую погоду. Кульков, Кузнецов – к лесопилке, на вас дорога в лес и подходы к складу. Парфенов! Мы с тобой здесь! Матвеич, ты давай к машине.

Майор отметил, что водитель прихватил свой неизменный «маузер» – наградной пистолет его старшего брата, доставшийся по наследству. Ничего иного Матвеич не признавал, отказывался от положенного ему карабина и ходил только с ним, вызывая насмешки и зависть других водителей и оперативников.

– Ты! – посмотрел Титов на радиста. – К ради. И будь там. Оружие держи наготове, но не лезь. Все, по местам. Посмотрим, какие это гости!..

Побросав недоеденные продукты, оперативники споро, без шума и толкотни похватили оружие и разошлись по местам. Внезапное появление незнакомцев обеспокоило всех. Но не вызвало особой тревоги.

Дождь прекратился, но небо потемнело еще больше. Черные тучи висели низко-низко, грозя вновь низвергнуть потоки воды. А над головой то и дело мелькали ветвистые жгуты молний. И грохотал гром. Веселенькая картина!..

Из маленького окошка сквозь редкие ветки одинокой березы можно было разглядеть тропинку, ведущую от дороги к лесхозу. Но сколько Титов ни вглядывался, никого увидеть не смог. Видимо, незнакомцы свернули на развилке и теперь идут прямо на Кулькова. Значит, он их увидит лишь издалека, и то если выйдет из дома. Матвеич говорил – полторы сотни метров. Медленным шагом можно дойти за две минуты. Выходит, они уже здесь.

В этот момент где-то затрещал глухарь. Сигнал! Кульков обнаружил визитеров и наблюдает их. Пора!

Майор дослал патрон в патронник ППС и тихо сказал:

– Пошли.

Он первым выскользнул в дверь, лейтенант Парфенов за ним. Тоже с оружием наготове. Он и Кульков предпочитали немецкие МП-40. А прошедший горнило боев в Сталинграде Кузнецов не расставался с ППШ, считая его лучшим оружием для боя на малых дистанциях.

...Они появились через минуту на узкой тропинке, ведущей к лесхозу. Шесть человек, идущих цепочкой. Все в форме Красной Армии, обмундирование у кого офицерское, у кого солдатское. Первый и последний были с ППШ, у второго на плече висел немецкий МП-40. У троих оружия вообще не видно. Зато все нагружены большими сумками, напоминающими рюкзаки.

Титов окинул их внимательным взглядом и уловил некоторые странности. У второго на голове вместо пилотки наушники вроде тех, что надевают радисты. В руке какая-то книжица или предмет, на нее похожий. Этот тип, с погонами лейтенанта, то и дело смотрит на нее.

Четвертый и пятый – странная парочка. Оружия нет, руки, такое впечатление, связаны перед собой. На лицах обреченное выражение. По сторонам не смотрят. Неужели пленники? Но чьи?

Последним идет здоровый мужик. Он один из всех одет в какой-то странный темно-серый наряд, чем-то напоминающий танкистский комбез. На ногах, как и у первых троих, ботинки с высоким голенищем и толстой подошвой. Оружие у всех висит на ремнях, и такое впечатление, что оно им непривычно. И баулы эти еще!.. Раз в два больше сумок под парашюты. Все промокшие, кроме последнего. Видимо, его одежда не пропускает воду.

Более чем странная компания. Что они делают в лесу?

То, что их надо проверять, Титов понимал. Но отдавал себе отчет, что сделать это будет нелегко. Эти люди настороже, зорко смотрят по сторонам и оружие держат наготове. Скорее всего без сшибки не обойтись...

В небе опять сверкнули молнии, чуть погодя донесся грохот грома. Тот, второй, с наушниками, недовольно посмотрел вверх, плюнул и спрятал свою книжицу в карман гимнастерки.

«Кульков ждет. Начинать мне. Надо выбрать момент... Сейчас к сараю подойдут, там их можно прижать. И уйти сложно, метров тридцать по открытой местности... Сейчас... пора...»

– Я пошел, – шепнул Титов Парфенову, сидевшему рядом. – Предельное внимание!

Цепочка незнакомцев миновала большую поленницу неотесанных стволов, которую так и не вывезли ни наши, ни немцы, и почти дошла до сарая. Это довольно длинное, но низкое строение без окон. Торцевая стена рухнула от взрыва, открывая взгляду захлащенное нутро. Рядом воронка и большая яма.

Как только шедший первым рослый парень с погонами сержанта дошел до середины сарая, Титов встал в полный рост, держа в правой руке пистолет ТТ, искомандовал:

– Стоять! Руки поднять, оружие не трогать! Кто такие?

Он фиксировал взглядом первых троих, зная, что сейчас Парфенов сосредоточил внимание на остальных. А Кульков и Кузнецов быстро и бесшумно перебегают от лесопилки к складу, откуда им будут хорошо видны «гости».

Титов ожидал любого поведения. От испуга и удивления до матерщины и угроз. И ждал встречных вопросов. Ведь даже агенты всегда пытаются доиграть легенду до конца, а потом уж идти на прорыв.

Но эти явно не были намерены трепать языками. Первый мгновенно повернулся в сторону майора, крикнул что-то непонятное и вскинул ППШ. Все это он проделал до того быстро и ловко, что Титов едва успел рухнуть в траву. Длинная очередь просвистела в метре над головой и ударила в стену дома.

Тут же ударили пистолет-пулеметы «гостей». Им ответил сперва Парфенов, а через несколько секунд – Кульков и Кузнецов. Эти стреляли из-за деревьев, отвлекая внимание на себя.

Майор перекатился влево, уходя за огромный пенёк, выставил левую руку и дважды выстрелил в здоровяка. Тот упал на колени, не выпуская из рук оружие. Парфенов стрелял из дверного проема, положив ствол МП-40 на порожек.

Весь бой происходил на дистанции пятнадцать – двадцать метров, огонь был насыщенным, плотным. Те, кто находился на открытом месте, рассчитывать на успех не могли.

Пули Титова свалили здоровяка. Майор целил в ноги, но здоровяк быстро упал на колени, схлопотал кусок закаленной стали в грудь и теперь лежал без движения. Двое других, шедших перед ним, сразу упали вниз головами и истошно орали «Не стреляйте, не стреляйте!». Огромные баулы придавили их к земле, сковав движения. Оперативники не тратили на них внимание и пули.

А вот первая троица проявила чудеса ловкости и подвижности. Огрызнувшись огнем, не жалея патронов, они заставили контрразведчиков залечь за укрытиями и выиграли несколько секунд. Им этого хватило, чтобы забежать внутрь сарая и залечь там. Укрытий, пусть и не очень надежных, хватало. Обрубки бревен, грубо сколоченные поддоны из толстых досок, плотно набитые мешки с песком и опилками.

Чужаки заняли хорошую позицию, но сарай был западней. Ибо уйти можно только через проломанную стену. А ее уже держали под прицелом.

Увидев Кулькова, обежавшего открытое место за деревьями, Титов крикнул:

– Держите другую сторону. А тех двух в дом живо!

Старший лейтенант кивнул, махнул рукой подбежавшему Кузнецову и рванул в обход сарая. Титов оглянулся – Парфенов лежал за стволом березы, держа под прицелом проем.

Тянуть нельзя: если это вражеские агенты, они сейчас уничтожат рацию, документы, карты. И тогда уличить их в работе на немцев станет сложнее. Но и идти в атаку опасно – силы равны, у тех хорошая позиция, наверняка заняли круговую оборону. Черт, кто же это? Раз «Марек» взят, значит, здесь другая диверсионная группа?! Или нет?

Гадать тоже не было времени. Титов подозвал Парфенова, шепотом спросил:

– Граната есть?

– Да.

– Давай. Я брошу. Как рванет, через крышу – и на них. Помни – ранить можно, убивать нельзя. Возьми пистолет. Быстро!

Парфенов прислонил к стволу пистолет-пулемет, извлек из кобуры «вальтер». В группе все, кроме Титова, носили трофейные Р-38. А майор еще с училища привык к нагану и ТТ.

От дома прибежал Кульков. Титов с ходу поставил ему задачу:

– Отвлеки на себя, бей по верх головы. После взрыва не стреляй, будь наготове.

– Может, я? – только и успел спросить Кульков.

Но Титов даже не ответил. Подтолкнул в его в спину и подкинул в руке РГ-42. Глянул на Парфенова. Тот дослал патрон в патронник, кивнул: мол, готов. Место для прыжка уже нашли – почти в центре стены, где к ней привалены бревна.

Из кустов по проему заработал пистолет-пулемет. Из сарая ответили короткой очередью. Титов машинально отметил, что чужие молчат, не пытаются заговорить, как сделали бы свои. Им некогда, они гробят аппаратуру...

Кульков дал еще две очереди и еще одну – подлиннее. Патроны в магазине МП-40 заканчиваются. Сейчас будет пауза. Титов занес руку, метя в дальний угол сарая. И когда Кульков отстрелялся – бросил гранату.

Громыхнуло изрядно, старое ветхое строение вздрогнуло, но устояло.

– Давай! – приглушенно выдавил Титов и первым вскочил на ноги.

Прыжок, толчок, руки хватаются за край стены, ТТ мешает... Напряженные мышцы вскидывают майора наверх, взгляд разом схватывает картину внутри сарая и отмечает мелькнувшую фигуру Парфенова, возникшую справа.

Граната, видать, рванула в воздухе, прямо над толстым бревном, где занял позицию один из чужаков. Сейчас он лежал без движения, лицом вниз, раскинув руки. Рядом мешок, ППШ и какое-то странное, незнакомое оружие, меньше ППС и МП-40, но с длинным магазином. Ну и хрен с ним! Дальше!

Одна фигура в ямке за двумя рядами поддонов встает на колени и поднимает пистолет, тоже незнакомой конструкции. Вторая фигура резво разворачивается на звук и вскидывает ППШ.

– Падай! – заорал Титов, видя, что ствол смотрит на приготовившегося прыгнуть вниз Парфенова.

Тот чуть медлит, потом все же прыгает на второго чужака. И немного запаздывает. Три ствола бьют одновременно. ППШ коротко бормочет, выплевывая порцию свинца, Титов дважды стреляет по противнику, целя в правое плечо (и попадает!). Парфенов тоже целил в руку и плечо, но вражеские пули заделали его, и пистолет в руке прыгает.

А первый противник уже встал на колени и вскинул пистолет вверх. Мешкать нечего, Титов прыгает вниз, на лету ногой сбивает пистолет в сторону, весом тела сшибает противника на землю, левой рукой хватая за воротник гимнастерки, рвет на себя, а правая замахивается для удара. Перед глазами мелькает вспотевшее, измазанное травой и землей лицо, и майор вдруг понимает, что перед ним женщина.

Удар не снизил скорости, но Титов успел повернуть руку и вместо основания рукоятки ТТ по виску бьет тыльная часть кисти. Женщина закатывает глаза и теряет сознание.

– Коля, ты жив?

– Да, командир! – тяжело отвечает Парфенов. – А этот в отключке!

– Илья, как вы? – орет Кульков, в экстремальной ситуации забывая о субординации.

– Дуй сюда! Быстрее!

Титов переворачивает женщину на живот, связывает ей руки за спиной, быстро охлопывает, нащупывает кобуру. Находит взглядом баул.

Кульков уже рядом, стоит над поверженным врагом.

– В углу еще один. Выволоки на улицу и вещи его не забудь. Давай сюда Вадима, надо Николая перевязать. Потом внимательно просмотри здесь все, возможно, они что-то припрятали или закопали. А пленных – в дом, я ими займусь.

Кульков кивнул и выбежал из сарая...

– ...Нас забросили вчера вечером. В районе Губкино. Наш район действий – треугольник Поньры – Золотухино – Косоржа. Задачи: сбор сведений о прибывающих войсках, уточнение данных о численности и характере вооружения, обнаружение командных пунктов, аэродромов, складов. Захват пленных, образцов документов. Позывной группы «ТА-56».

– Понятно. Как добрались до точки выхода на связь?

– Пешком. Потом голосовали на дороге. Дважды проверяли документы, но ничего не обнаружили. У нас новые образцы, получены всего неделю назад... Место выхода подбирали сами. Но перед самым сеансом на нас напали...

– Да, это ты уже говорил...

Титов дернул головой и задумчиво посмотрел на пленных агентов. Картина складывалась настолько странная, что ни в какие ворота не лезла. И требовала вдумчивого разбора. А также дополнительных сведений, желательно от пленников. От всех пленников.

Пока Кузнецов оказывал помощь Парфенову, а Кульков обыскивал сарай и переносил вещи в дом, Титов допросил двух пленных, которые не оказывали сопротивления и сдались сами.

Это были немецкие агенты, только недавно заброшенные к нам в тыл. Их группа – четыре человека – совершила переход к месту, выбранному для сеанса связи, и уже там была атакована неизвестной группой. Агенты оказали активное сопротивление и даже убили одного из нападавших, но при этом потеряли двух человек – старшего группы и первого радиста.

Нападавшие использовали странное оружие и явно стремились взять агентов живыми. Но еще более странными оказались вопросы, которые задавали пленникам. Данные о планете, о политическом устройстве государств, о климате, о вооруженных силах Германии и СССР. Перед допросом агентам вкололи какой-то препарат, и он заставил их говорить даже то, что они хотели утаить.

На советских контрразведчиков эти люди не были похожи, одеты в странную одежду, имели странное оружие и технику, между собой говорили на непонятном языке. Закончив допрос, пленников повели в эту часть леса. Зачем – они не знали...

Майор терялся в догадках. Допросить этих «странных людей» он не мог. Один тяжело ранен: пули в груди, в ноге и руке, да еще осколок в спине. Второй... вторая без сознания. Бил Титов от души. Вещи и одежду осмотрел. Действительно, странная одежда. Материал, пошив. Обувь тоже незнакомого типа. Но больше всего Титова удивило оружие и груз этих чужаков.

Он вертел в руках трофейный пистолет. Конструкция незнакомая, курка не видно, затвор жестко закреплен. Магазин, правда, на месте, после нажатия на небольшую кнопку он выпал из рукоятки. В нем странный патрон. Гильзы нет, только остроконечная пуля и какой-то наполнитель на донце. Прицельные приспособления помечены бледно-зелеными точками, фосфоресцируют. Легкий, удобный, в руке сидит великолепно. И вроде как не из стали. Какая страна создает такие образцы?

А короткоствольный автомат? После минутного осмотра майор сообразил, что приклад выдвигается по салазкам. В магазине те же безгильзовые патроны. Рукоятка пистолетная, удобная. Мушка и целик помечены фосфором. И вроде как прилив для оптики на ствольной коробке. И весит мало, по сравнению с ППШ и МП-40 вообще ерунда!

А в одном из баулов Титов нашел разобранный винтовку. Он даже не стал ломать голову, как она собирается, понял, что это оружие, как и другие образцы, явно превосходит то, что имеют и Германия, и СССР, и, пожалуй что, другие страны. Но тогда кто их создал?

Еще больше вопросов вызвали вещи чужаков. Плоский кейс, непонятно как открывающийся. Коробка со стеклянным верхом и кучей маленьких кнопок. Наушники, действительно похожие на те, что носят радисты, но раза в три меньше, легче. Причем наушник вообще один, от него идет тонкий, но жесткий проводок с утолщением на конце. И еще какой-то аппарат, но разбитый. В него попала пуля, разворотив начинку.

Все это вместе с рассказом немецких агентов заставляло поломать голову над принадлежностью странной группы. Но сейчас не было времени. Следовало немедленно доложить о произошедшем в управление и... и без лишних подробностей. К такому выводу майор пришел, рассматривая трофеи.

Через пять минут радист отправил шифровку, адресованную лично Вадису. «Вступили в бой с группой неизвестных. В плен взяты немецкие шпионы. Дали показания, согласны на сотрудничество. Кроме того, взята еще одна группа. Имеем раненых и „холодных“. Пленники требуют особого внимания. Возвращаемся в расположение».

Несколько расплывчато, но генерал поймет. Кроме него и его заместителя, Титов решил никому ничего не говорить. И трупы, и пленных, и трофеи надо показать только им. Пусть сами решают, как быть.

Вернулся Кульков, развел руками – тайника в сарае нет. Кузнецов оказал всем раненым помощь, сказал, что Парфенова надо немедленно к врачу. И раненого чужака тоже. Женщина пришла в себя, молчит, у нее явно сотрясение мозга.

– Та-ак! – Майор встал с пола, размял затекшие ноги. – Грузим добычу в машину. В кузов. И все накрыть брезентом. Чтобы ни один человек не увидел!

Матвейч уже подогнал полуторку к дому. Раненых и убитых переносили вместе, а трофеи – майор, Кульков и Кузнецов. Водителя и радиста усадили в кабину. Приняв должные меры маскировки, выехали с лесхоза. Когда машина миновала опушку леса, в просвете между облаками проглянуло солнце...

3

В управление они прибыли через час, с трудом доехав по ставшей трясинной дороге. Небо стремительно очищалось, и уже с полпути оперативники то и дело посматривали вверх. Вражеские самолеты, несмотря на поистине драконовские меры безопасности, предпринятые силами ПВО, все же проскакивали плотную завесу и нападали внезапно и дерзко.

Парфенова сразу отправили в госпиталь. По дороге он потерял сознание. А вот раненых пленных Титов предложил изолировать и вызвать бригаду врачей к ним. Вадис и Сочнов, вышедшие встречать оперативников (по просьбе Титова), только покачали головами, но дали добро. Чужаков разместили в Золотухино в уцелевшем здании библиотеки. С ними уехал Кульков, которому была поручена охрана пленных. Немецких агентов определили под команду Кузнецова, и прибывший с короткого выезда Самохин уже приступил к подробному допросу.

А Титов пошел докладывать Вадису. Тот уже нетерпеливо крутил головой. Станный бой, странный доклад и странное поведение старшего группы его раздражали.

При разговоре присутствовал Сочнов. Майор выложил все подробно, заострив внимание на необычном поведении чужаков, а также на их снаряжении.

– ...А больше всего меня поразила неизвестная принадлежность этой группы, – выкладывал свои сомнения Титов. – Амуниция, оружие, техника... Я даже не понял, что это и для чего. И технологии... Не нашел ни одного аналога с известной техникой. И потом, немецкие агенты утверждают, будто их расспрашивали о планете, о государствах. Кому и зачем нужны эти сведения?...

Генерал и его заместитель внимательно выслушали Титова, осмотрели оружие и вещи чужаков. Но делать какие-либо выводы не спешили.

– Что с ними сейчас? – спросил Вадис Сочнова.

– Хирург делает операцию раненому. По его словам, тот в тяжелом состоянии. Четыре ранения, потеря крови, шок... Но надежда есть. А женщина пришла в себя. Но подавлена, молчит. Не исключена контузия. Кстати, она тоже ранена в руку осколком.

– Граната ударилась о балку и рванула в воздухе, – пояснил Титов, виновато глядя на генерала. – Потому и накрыло всех.

Но Вадис не обратил внимания на слова майора, стоял у стола, где были разложены вещи, и смотрел на плоский кейс. Потом поднял голову и взглянул на Сочнова.

– Надо допросить женщину. Немедленно! Пусть врачи приведут ее в норму как можно быстрее!

– Хорошо, товарищ генерал, – ответил Сочнов. – Я сам туда поеду и поговорю с ней.

– Да. Впредь до особого распоряжения к этим пленным иметь доступ будем только мы трое. Самохину я скажу. Ты! – Генерал повернулся к Титову. – Будешь нужен здесь. Кульков справится сам?

– Да, товарищ генерал.

– Передадим ему остатки группы Гаврилова и нацелим на диверсантов, заброшенных в последние дни. Одну группу вы случайно прихватили. Но есть еще как минимум три.

Подробности боя в Осмысках Титову успели изложить буквально на ходу. И рассказали о гибели Гаврилова и Тихонова. Майор переживал смерть друзей, но последние события как-то отодвинули скорбь на второй план. И даже то, что его снимали с работы и вновь создаваемую группу отдавали Кулькову, мало волновало. Головоломка с чужаками занимала сейчас все мысли Титова.

– Значит, так, – подвел итог разговору Вадис. – Пленных под особый контроль, всякий доступ запретить. Врачей обязать держать язык за зубами. Потом с ними надо поговорить. Виктор Андреевич, возьмите это тоже на себя.

Сочнов кивнул.

– Титов, предупреди своих парней, чтобы помалкивали об увиденном!

– Есть!

– Кулькова и Кузнецова смени, пусть Кульков собирает свою группу и к Самохину за распоряжением. Еще! В любом случае ты старшим уже не будешь. Скоро придет приказ – тебя переведут на другой фронт. А пока здесь – в распоряжении Сочнова.

– Слушаюсь, товарищ генерал! – без особой радости ответил Титов. Сидеть без дела, когда все вокруг в мыле от необъятного объема работы, не есть здорово.

– А теперь приказ – после разговора с Кульковым три часа на сон! И чтобы дрых как медведь зимой! А то лицо уже посерело. Выполняй!

Титов молча взял под козырек и вышел из кабинета. И только сейчас почувствовал, насколько он устал не только физически, но и морально. И от осознания своей усталости в сон потянуло со страшной силой...

События этого дня, свежие данные о появлении новых агентурных и диверсионно-разведывательных групп немцев, потери личного состава и необходимость охватить больший объем работы меньшими силами – все это требовало кропотливой работы и непосредственного участия начальника управления.

Вадис, погрузившись в безотлагательные дела, на время забыл о пойманных незнакомцах и всем, что с ними было связано. Тем более новые события затмили этот значительный, но все же не первостепенный эпизод.

В два часа дня Вадис звонил в Москву и докладывал о нейтрализации «Марека». О подробностях он умолчал, да и Москву это не сильно интересовало. Было сделано главное – активно работавшая агентурная сеть выбита, выведена из игры.

Вторая новость о захвате еще одной диверсионной группы порадовала руководство. Пользуясь случаем, Вадис обрисовал тяжелую ситуацию со штатами управления и попросил хоть как-то восполнить понесенные потери. Довольное руководство в этот раз пообещало подумать. По тому, как это сказал начальник Главного управления, Вадис понял, что в ближайшие дни следует ожидать прибытия хоть и небольшого, но так нужного пополнения.

Почти сразу после звонка в Москву генерал разговаривал со штабом фронта. Малинина* интересовало, можно ли возобновить приостановленную на сутки переброску войск к передовой. И насколько качественно прикрыта переброска со стороны контрразведки. В голосе начальника штаба фронта сквозило волнение и вполне понятное нетерпение.

Вадис, не вдаваясь в подробности, информировал о проводимых мероприятиях и подтвердил возобновление перевозок. А также сообщил, что утечка информации пресечена и все меры по обеспечению скрытности со стороны контрразведки приняты.

Едва закончился этот разговор, позвонил Серебряков. Управление НКВД интересовало, имеет ли смысл снимать усиление с некоторых районов. Минут десять генералы обсуждали рабочие вопросы.

Несколько часов непрерывной работы, без пауз, даже без обеда – неудивительно, что Вадис устал. Больше морально, чем физически. Поэтому когда в его кабинете возник полковник Сочнов и попросил уделить время для решения вопроса, генерал сперва удивленно посмотрел на него. И не сразу вспомнил об утренних событиях.

– Может, вечером? – устало спросил он.

– Товарищ генерал, это срочно! Это неотложно!

Голос полковника был приглушен, но звучал так, что Вадис мигом отбросил утомленный тон и напрягся. Сочнов даже в самые напряженные моменты никогда не говорил так. В его голосе явственно чувствовались растерянность и даже страх. Это было не похоже на выдержанного, всегда спокойного полковника.

– Что произошло, Виктор Андреевич? – специально неофициально обратился к нему генерал, чтобы сбить напряжение. – Садитесь...

Сочнов остался на ногах, бросил на стол папку, с которой ходил всегда и везде, кроме, пожалуй, передовой. Кашлянул, прочищая горло, и посмотрел на генерала.

– Я допросил женщину. Она в сознании, чувствует себя неплохо...

– Да? И что же она рассказала? Кто, когда заброшены?

Полковник выдохнул, явственно побледнел и через силу звенящим голосом выдал:

– Товарищ генерал! Они... инопланетяне!..

Вадис несколько секунд смотрел на Сочнова, словно не понимал смысл сказанного. Потом негромко кашлянул и слегка осипшим голосом переспросил:

– Как?

– Эта разведывательная группа попала к нам из другого мира... с другой планеты...

Сочнов невесело усмехнулся и покрутил головой. В глазах генерала сквозило такое явное недоверие и непонимание, какое было у него самого час назад. Вадис просто еще не воспринял информацию и не понимает, насколько все серьезно.

– Виктор Андреевич, вы вообще как себя чувствуете? – так же негромко поинтересовался Вадис. – Какие такие инопланетяне?!

– Товарищ генерал, я в норме. Насколько вообще можно быть в норме после таких известий! Я разговаривал с обоими пленниками... да-да, с обоими. Операцию второму человеку уже сделали. И он вполне сносно себя чувствует. По крайней мере говорить он может. И они... привели мне неопровержимые доказательства. Александр Анатольевич, – вдруг назвал Сочнов генерала по имени-отчеству, – это действительно так...

Оба контрразведчика смотрели друг на друга, и у обоих на лицах были одинаковые недоверчиво-опешившие выражения.

– Выкладывай, – немного пришел в себя Вадис. – И подробно!

* * *

...Здание бывшей библиотеки, в которой немцы устроили склад, уцелело почти полностью. Кроме самого верхнего этажа, разнесенного прямым попаданием снаряда. Это уже наши при наступлении постарались. Сейчас здесь был расположен склад.

Две небольшие комнаты у запасного выхода по распоряжению Сочнова быстро переделали под импровизированный госпиталь. Прибывшая по срочному вызову бригада врачей провела две операции. Первая легкая, женщине удалили неглубоко застрявший осколок из предплечья. Вторая была сложнее – четыре ранения, полученные пленным при задержании, требовали серьезной работы. Но врачи, имевшие огромный опыт, справились за три часа.

К их удивлению, раненый пришел в себя почти сразу после завершения операции. Судя по всему, ему стало значительно лучше. Врачи уехали, пообещав присылать врача каждые два часа для осмотра и перевязки.

Сочнов прибыл туда в разгар второй операции. Но разговора с женщиной не вышло. Она потребовала беседы только в присутствии своего товарища. Сочнов пошел ей навстречу и решил ждать. Пока он узнал одно – женщина знает русский язык, но говорит на нем с легким странным акцентом. Она точно не немка. И, пожалуй, не англичанка и не француженка. Уж

в этом полковник был уверен – как-никак за годы работы в дипкорпусе сумел изучить пять языков.

Пользуясь паузой, полковник коротко поговорил с охраной – двумя молодыми стажерами-оперативниками, присланными в управление всего два дня назад. Они были по-хорошему ретивы и бдительны. И глаз не сводили с пленных. И не пускали к ним никого, кроме врачей.

Прооперированный мужчина пришел в себя еще в операционной и на удивление хорошо себя чувствовал. Он и женщина успели коротко переговорить и к моменту повторного визита Сочнова, видимо, пришли к определенному мнению. Поэтому, когда полковник зашел в комнату, мужчина слегка дрожащим и слабватым, но все же вполне уверенным голосом сказал:

– Мы расскажем все. Но, видимо, вы не поверите нам.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Сочнов, садясь на стул. – Мы сумеем отличить правду от лжи.

– Хорошо. Тогда слушайте...

– ...Второй лейтенант Мирон Заремный, командир девятой разведывательной группы третьего отряда отдельной разведывательной бригады планетарных сил. Его группа, состоящая из пяти человек, должна была быть высажена на вновь открытую планету для проведения комплекса разведывательно-поисковых мероприятий. Всего в отряде девять групп и восемь взводов прикрытия. Во время переброски через... некое «окно» произошел технический сбой аппаратуры десантной капсулы. В результате капсула была выведена на орбиту совершенно незнакомой планеты. Причем других капсул не обнаружено. После короткой технической разведки Заремный решает все же провести полный комплекс разведмероприятий. Он уверен, что их довольно быстро найдут и при следующем открытии «окна» вытащат с планеты.

– Что за «окно» такое? – спросил Вадис, когда Сочнов сделал небольшую паузу в рассказе.

– Как я понял, это некий эффект схождения координат. Словом, совокупность условий, при которых сие «окно» срабатывает.

– И когда оно работает в следующий раз?

– По его словам, через восемь – восемь с половиной суток. Точнее он пока сказать не может. Вернее, уже не скажет.

– Почему?

– Потому что часть навигационной аппаратуры уничтожена во время боя.

– Та-ак!... Что он еще рассказал? Откуда они прибыли к нам?

– ...Оттуда? – Заремный неопределенно хмыкнул и покосился на женщину.

Та отрекомендовалась Сочнову как второй лейтенант Марита Глемм, специалист по системам дальней связи и навигации, а также оператор станции техразведки.

– Наша планета называется Достея. В переводе на ваш язык – Колыбель. Это – одно из самых древних названий планеты на языке северного народа руму, который дал жизнь многим народам. От вашей планеты Достея находится на расстоянии порядка пятисот световых лет. Вы знаете, что это такое?

– Знаю, – буркнул Сочнов.

Тот факт, что на Землю заявили гости из такой дали, не радовал. Это значит, у них очень высокий уровень развития, многократно превышающий земной.

– И что вам здесь надо?

На этот раз не очень довольным был Заремный. Видимо, разговор подошел к той части, которую он по возможности хотел отодвинуть как можно дальше.

– ...Цель их экспедиции – разведка вновь обнаруживаемых миров. Если результаты разведки отвечают необходимым требованиям, подтверждают предварительные данные и нет противопоказаний, эта планета завоевывается.

Генерал молча рассматривал слегка запыленный китель Сочнова, не произнося ни слова. Потом посмотрел в глаза полковнику.

– Выходит, они готовят захват нашей планеты?

– Да, товарищ генерал, – выдавил полковник.

– ...Мы должны дать заключение о том, что собой представляет планета, есть ли на ней жизнь и в какой фазе развития она находится. А также – имеет ли смысл начинать вторжение. Ну и некоторые чисто военные выводы.

– И вы нашли нашу Землю пригодной для вторжения? – слегка осевшим голосом спросил Сочнов.

Заремный вновь протянул с ответом. Посмотрел на Глемм.

– Мы не могли провести полный комплекс мероприятий, у нас здесь только одна группа. А этого мало для окончательного вывода. Но по предварительным данным ваша планета полностью отвечает условиям колонизации. Однако мы никогда не сталкивались с таким высоким уровнем развития цивилизации. И это может стать причиной отказа от вторжения... Повторяю – мы не успели провести даже половины всех обязательных процедур.

Полковник внимательно посмотрел на Заремного, но ничего не сказал. Он пока слушал...

– Зачем им вообще эта колонизация? – непонимающе спросил генерал. – Своей планеты не хватает?

– О, в этом все и дело! – оживился Сочнов. – По словам Заремного, их планета сильно перенаселена, их там примерно одиннадцать миллиардов! Демография растет, ресурсы на исходе, «зеленый щит» планеты истощен до предела. Уже дошли до сознательного сокращения рождаемости и едва-едва не ввели принудительное ограничение продолжительности жизни. Они там сейчас живут по сто восемьдесят – двести лет.

– Расплодились как саранча, а потом к другим лезут! – резко бросил генерал. – Черт знает куда залетели! Я даже не могу представить себе расстояние в пятьсот световых лет. Это... это сколько же километров?! Впрочем, какая разница? Как они захватили немецких агентов? И вообще что успели натворить в наших тылах?

Сочнов, конечно, выяснил и это. Заремный, будучи военным, понимал, что придется отвечать за их деятельность, направленную против Советского Союза. Но все равно говорил откровенно.

– Мы захватили в общей сложности семь человек. Пятеро из них были военными, двое – местными жителями. Они дали нам первичную информацию о планете.

– А потом что с ними стало?

Заремный кашлянул, вздохнул и неожиданно легко сказал:

– Их оставляли на месте, живыми. Только сделали инъекцию гаспаталуса и провели сеанс электроберроза.

– Что это такое?

– Гаспаталус – препарат, подавляющий волю. А электроберроз – процедура, позволяющая стереть определенный отрезок памяти. Это безопасно для здоровья. Человек просто не помнит один из эпизодов жизни.

Сочнов отметил себе сделать запрос относительно военнослужащих, пропавших и найденных в течение последних суток.

– А взятые вами в плен военные?

– О, это отдельный случай! – закивал Заремный. – Мы обнаружили их ночью. Установили слежку. Эти военные очень странно себя вели. И, по нашим наблюдениям, старались не попадать на глаза остальным. Знакомое поведение, и мы решили, что они разведчики другой воюющей стороны. Хотели захватить их и допросить. Но вышло не очень удачно. Они обнаружили нас раньше, чем мы начали захват. Мы всегда используем специальные патроны травматического и шокового воздействия. А также гранаты с усыпляющим газом. Наверное, легкость, с какой мы захватывали людей раньше, нас немного расслабила. Словом, вышел бой. И мы потеряли одного разведчика. Его убило осколком гранаты. А эти люди сопротивлялись до последнего. Даже пораженные пулями и газом, стреляли. Мы вынуждены были убить двоих, а двоих взяли в плен. Так как шум боя мог привлечь внимание, я дал приказ покинуть то место и перейти на другую часть леса. Нам помогла погода... Сперва. Дороги опустели, из-за дождя и темноты видимость резко упала. Но в конце концов именно дождь и молния сыграли с нами злую шутку.

– В смысле? – не понял Сочнов.

Заремный грустно улыбнулся.

– Наша аппаратура позволяет засечь присутствие человека на расстоянии до сорока бареллов. Это около тридцати километров. Но при дожде и тем более при молнии техника дает сбой или выходит из строя. Потому вашу засаду мы не вычислили. А дальше... ну, дальше вы знаете.

Вадис внимательно выслушал Сочнова, побарабанил пальцами по столу – навязчивая привычка, от которой никак не мог избавиться. Он сидел за столом и думал...

Услышанное вызвало кратковременный шок. Как ему, опытному контрразведчику, материалисту, далекому от мира фантастики и вымысла, поверить, что в его руки попали настоящие инопланетяне?! Что где-то в глубине галактики действительно существует другая жизнь? И что там живут такие же люди, как он сам, как Сочнов и Титов? И что те люди, та цивилизация готовят вторжение на Землю?

Все это решительно не вязалось с действительностью, с суровой реальностью жизни. В разгаре мировая война, смертельная схватка с нацизмом и фашизмом. Сражение за Родину! И тут – инопланетное вторжение!.. Нонсенс!

– Скажи-ка, Виктор Андреевич, ты поверил им? Как-то они доказали свои слова?

– Да, товарищ генерал. Доказательства были, – ответил Сочнов. – Убедительные доказательства. Причем некоторые – весьма наглядные...

– ...Вам нужны доказательства? – спросил Заремный. – Сколько угодно. Я думаю, вы захватили наш багаж. Принесите сюда, и я устрою демонстрацию.

– Мы захватили все. И кое-что опознали как оружие. Его, конечно, не вернем.

– И не надо. В нашем положении пытаться бежать – глупо. Мы плохо знаем обстановку, я ранен. Куда нам идти? Да и вряд ли мы сумеем это сделать даже с оружием. Ваше оружие, конечно, примитивно по сравнению с нашим, но способно натворить много дел. Мы уже в этом убедились.

Сочнов признал слова Заремного разумными, но рисковать не стал. Приказал охранникам принести два больших тюка, в которые были сложены трофеи. Их полковник специально взял с собой, чтобы выяснить назначение аппаратуры и других предметов.

Тюки Сочнов принял у дверей. Видеть пленников стажеры не должны и тем более видеть трофеи. Сам внес тяжелые тюки в комнату. Сам развязал их. Заремный при виде лежащих вперемешку предметов поморщился, но промолчал. Указал на плоский прямоугольник, напоминающий кейс. Глемм встала с кровати и подняла его. Раскрыла. Сочнов увидел на внутрен-

ней стороне крышки экран, похожий на экран осциллографа. А на другой стороне несколько рядов клавиш, как на пишущей машинке. Знаки на клавишах незнакомые.

– Это полевая модель компьютера, – пояснила Глемм. – На него заведена как станция слежения, так и анализаторы. А также станция технической разведки.

Из всего, что сказала женщина, Сочнов понял только несколько слов. Но суть уловил верно – некий аппарат, аналогов которому на Земле нет.

– Это, – указала Глемм на несколько коробочек и странного вида наушники, – викады, системы связи и гарнитура к ним. Работают в СВЧ- и УКВ-диапазонах.

Потом подняла еще один прибор, похожий на компьютер, но раза в три меньше.

– Это сканер. Для определения местонахождения источников радиоизлучения. Это станция охраны и слежения... разбита. Это медицинский анализатор, тоже разбит. Эти... остатки – приборы для снятия проб. Вода, грунт, воздух, металлы, органические соединения. Это автолинг – устройство для расшифровки и составления словарей аборигенов. Это аптечка. Это запасные элементы питания...

Она перечисляла предметы, что-то брала в руки, показывала Сочнову, иногда включала, если аппарат работал. Говорила ровным голосом, но полковник все равно уловил напряжение и недовольство. Слишком много техники разбито. И уже не восстановить.

– А это, – сказала она под конец, – станция дальней связи. Именно по ней мы должны доложить о завершении разведки и получить приказ. К счастью, она уцелела.

Немного поколебавшись, Сочнов дал команду принести третий тюк, с оружием. Когда оперативник передавал его, полковник приказал быть начеку.

К виду оружия пленные отнеслись почти равнодушно. Видимо, и вправду решили не глупить и не совершать необдуманных поступков.

– Объясните, что есть что...

Теперь больше рассказывал Заремный.

– Так называемый штурмовой автомат, – указал он на короткоствольный образец оружия. – Магазин на сорок патронов. Возможность крепления оптического прибора, прибора ночного видения и системы автонаводки.

– А почему ствольная коробка без окна?

– Патрон безгильзовый. Здесь иной принцип метания снаряда. Электроподжиг. Иницирующий заряд толкает пулю за счет мгновенного и остронаправленного импульса. Гильзу выбрасывать не надо. И вся работа по досылке нового патрона происходит внутри коробки.

– И в пистолете тот же принцип?

– Во всех образцах.

– А это что? – Сочнов указал на отдельные части некоего оружия.

– Это снайперская винтовка. Она разобрана. Бьет на... по-вашему на три километра. Пули разного назначения. Есть оптический, инфракрасный прицелы и система автонаводки.

«Пожалуй, единственное, с чем мы разобрались, это с оружием, – подумал Сочнов. – Но если у них такие автоматы, винтовки и пистолеты, то какие же танки, самолеты... другая техника? Насколько далеко они ушли от нас? И сможем ли мы выдержать, если они нападут?...»

Эти мысли занимали сейчас голову полковника, но спросил он совершенно другое:

– Какой у вас год?

– Сто сорок восьмой год четвертого круга, – ответил Заремный. – Круг – это тысяча лет. Цикл – десять тысяч. Наша система отсчета идет от начала правления династии Линнат. Они правили самой большой империей западного мира. Именно в их эпоху начался расцвет наук. Это старая традиция, счет очень удобный, его решили оставить. Но если переводить на ваш вариант летосчисления, то выходит...

Заремный сделал паузу, прикидывая коэффициент перехода, потом выдал результат:

– Мы опережаем вас примерно на ваш век и еще семьдесят или восемьдесят лет.

– Неплохо! – хмыкнул Сочнов. – Это... большая разница...

Заремный переглянулся с молчавшей все это время Глемм и вдруг спросил:

– Теперь вы верите, что мы прилетели с другой планеты?

Полковник не спешил с ответом. Доказательства у них, конечно, железные. Техника, оружие, одежда. И потом – реши немцы сочинить какую-нибудь особую легенду, ничего глупее фантастического вымысла с инопланетянами придумать не смогли бы. Это вообще не их стиль.

Заремный воспринял молчание полковника по-своему. Кивнул Глемм. Та встала, подошла к настороженно смотрящему на нее Сочнову, на ходу снимая повязку с раненой руки.

– Видите шов от пулевого ранения? Ваши врачи хорошо работают, быстро вытащили осколок. И зашили, правда, простыми нитями.

Сочнов взглянул на рану и пожал плечами. Он видел много таких. Да и не только таких.

– А теперь смотрите! – добавила Глемм.

Она нагнулась, взяла из тюка нож и перерезала им нити шва. Края разреза тут же разошлись, потек ручеек крови.

– Зачем вы?... – начал было Сочнов, но Глемм его перебила:

– Смотрите!

Она накрыла рану ладонью, откинула голову и замерла. Прошло секунд двадцать. Кровь перестала течь из-под тонких пальцев. А потом Глемм убрала руку, и Сочнов увидел...

– ...Шов почти исчез. Кровь не шла. Рана затянулась полностью. И всего за полминуты!

– Да, это уж точно из разряда фантастики! – невесело произнес Вадис. – Они еще и лечат себя! Долгожители, мать их! А что же этот... Заремный, не смог себя залечить?

– Не смог, – ответил Сочнов.

– ...У меня тяжелые ранения. Повреждены внутренние органы. Большая потеря крови. К тому же я был без сознания и не смог сразу запустить защитный механизм. Однако как только пришел в себя, сразу принял меры.

Лейтенант протянул здоровую руку Сочнову.

– Потрогайте!

– Зачем?

– Проверьте, какая у меня температура.

Сочнов нехотя сжал пальцами запястье раненого. Ощутил ровный пульс и признал – температуры у Заремного не было.

– Нормальная температура тела человека – тридцать каранн. По-вашему это около тридцати шести с половиной градусов. Такая температура у меня и есть. Хотя после операции бывает выше. Но я снял ее, хотя организм должен сам бороться с воспалительным процессом. А снял, чтобы провести этот разговор.

Сочнов промолчал. Еще одно наглядное доказательство правдивости рассказа этих... инопланетян. Чтоб им ни дна ни крыши! Сколько проблем разом сваливается на голову! Будто своих мало! Что же с ними теперь делать?...

– Да, это действительно проблема! – протянул Вадис, когда Сочнов привел последний пример. – Причем большая! У меня до сих пор в голове не укладывается!

– Но и это не все, товарищ генерал, – вовсе убитым голосом произнес Сочнов. – Есть еще одна проблема. И похуже.

– Еще? Куда тут хуже?

– На Землю попала вторая группа инопланетных разведчиков. Из другого мира!

Вадис удивленно хмыкнул и прищурил глаза. Глядя на полковника тяжелым взглядом, спросил:

– Какая вторая?...

– ...Мы засекли их перед самой посадкой. Датчики капсулы выдали сигнал тревоги. Чужая капсула тоже выходила на орбиту и падала в трех тысячах километров от нас.

– Что за чужая? – растерянно спросил Сочнов, чье удивление уже достигло максимума.

– Это разведывательная капсула протерисканцев.

– Кого?

– Кого? – задал тот же вопрос генерал.

– Протерис. Другая обитаемая планета, расположенная в ста световых годах от Достеи. Они столкнулись пять лет назад во время обследования одного из секторов космоса на предмет обнаружения пригодных для жизни планет. Те тоже начали экспансию и по тем же причинам. Как я понял, Протерис и Достея ведут боевые действия на какой-то планете. Еще происходят периодические нападения на уже колонизируемые планеты. Словом, они враги.

– И Протерис обнаружил Землю?...

– Скорее всего нет, – ответил Заремный. – Видимо, их разведывательная капсула тоже попала под сбой программы. Ибо, кроме них, на орбиту Земли вышел только грузовой бот, наверное, со взводом боевых роботов. Вчера вечером мы засекли сработку чужой аппаратуры. Протерисканцы сейчас находятся в...

– Триста сорок семь километров на запад, – вставила Глемм, сидевшая на кровати со сканером в руках. – Они проводят разведку местности.

Сочнов подошел к ней и увидел на зеленоватом экране черную точку. На экран была наложена сетка координат. Полковник мысленно прикинул расстояние. Выходило, что вторая группа где-то под Черниговом.

– В немецком тылу! – глянул на висевшую на стене карту генерал. – В тылах группы армий «Центр». У фон Клюге в гостях! Вот черт!

– И это еще не самое плохое. Хуже то, что они могут сделать!

– Что именно?

– Группа Протериса проведет полный комплекс разведмероприятий и в условленное время даст сигнал. А Протерис в отличие от нас больше настроен на колонизацию всех планет, подходящих для заселения! У них с поиском хуже. На самом деле пригодных планет мало, и каждая – большая ценность. Так что противник может ухватиться за этот вариант. И ваша цивилизация вряд ли его остановит...

– Но ведь вас и их выкинуло в неизвестный район, – начал было Сочнов. – Ваши... военное руководство разве сможет быстро отыскать вас?

– Десять дней от силы. Достаточно проанализировать показания аппаратуры в момент переброса, провести тестирование и пробные запуски.

Полковник сжал челюсти. Проблема резко переросла в критическую. Мелкий эпизод выходил на первое место по приоритетности. Посмотрев на бледного Заремного и задумчивую Глемм, Сочнов вдруг спросил:

– А ваша Достея разве не готова захватить любой пригодный мир? Вы ведь говорили, что тоже испытываете проблемы со свободными землями.

Заремный промедлил, но потом кивнул:

– Да. Мы отыскиали три планеты, на две уже переселили около пятисот миллионов человек. И в течение десяти лет готовим переселение еще полутора миллиардов. На третий пока не можем переселять, там идет война. Но одно дело – колонизировать планету, где уровень

развития еще на стадии... э-э... по-вашему, где-то десятый век. Другое дело – высокоразвитая цивилизация, стремительно набирающая обороты. Судя по развитию вашей техники, лет через двадцать – тридцать вы выведете свои корабли и спутники на орбиту планеты. А в течение полувека освоите ближайший космос. Завоевание такого мира сопряжено с большими проблемами. Чтобы завоевать мир и освободить его от большинства аборигенов, нужно много сил, средств и времени.

«Освободить – это уничтожить», – понял иносказание Сочнов, и ему стало нехорошо. Гитлер с его идеей расовой чистоты не шел ни в какое сравнение с планами инопланетян.

– И потом, вы заняли большую часть суши, – продолжал Заремный. – Наше руководство, конечно, готово идти на многое, но только не на уничтожение нескольких миллиардов человек.

– А Протерис?

Заремный пожал плечами. Неуверенно сказал:

– Вы, конечно, можете не поверить, но, зная их, я не исключаю такой вариант.

И Сочнов не поверил. Ибо знал одну вещь – при всем различии в нациях и народах каждая соблюдает некоторые общие принципы. Если Достея не рискнет захватывать Землю, то и Протерис может не пойти на такой шаг.

Но Заремному ничего говорить не стал. В конце концов, все это догадки и версии. Точных данных нет.

– Что еще они рассказали? – спросил генерал.

– Уточнили состав разведгрупп – своей и Протериса. Задачи и сроки их выполнения. Дали дополнительные сведения об «окнах» и механизме переброса. Но тут я мало что понял.

– Да-а!.. – протянул Вадис, вставая из-за стола и идя вдоль стены. – Вот так проблему мы себе привезли на шею! Мало обычных забот, теперь... А что теперь?

Он остановился и посмотрел на Сочнова.

– Что же нам делать?

Полковник растерянно взглянул на Вадиса и развел руками.

4

Разговор с Сочновым занял почти полтора часа. Вадис специально приказал не беспокоить его, если только не будет звонков из Москвы. И вот когда они подошли к самой главной части – к принятию решения, – в дверь постучался адъютант генерала.

– Товарищ генерал-майор, – вытянулся у двери старший лейтенант. – Вы просили напомнить: в восемнадцать тридцать передать донесение в Главное управление.

– Да, – махнул рукой Вадис, – спасибо, иди.

Адъютант сделал шаг назад и бесшумно закрыл дверь.

– Прервемся ненадолго, – сказал Сочнову генерал. – Я поработаю с Самохиным, заодно узнаю, что он выяснил. А ты... пока подумай, как быть.

Сочнов кивнул. Если Вадис предлагает подумать, значит, самый простой, самый естественный вариант считает не лучшим. А самый простой – доложить обо всем в Москву. Логика подсказывает сделать именно так. Но это обычная логика, а они столкнулись с необычным. Вот в чем все дело...

* * *

Итоговая сводка состояния дел за десять дней за подписью начальника управления контрразведки фронта ушла в Москву точно в срок. В последний момент в нее были вписаны сегодняшние результаты и те изменения, которые произошли буквально несколько часов назад.

После этого генерал поговорил с Самохиным. Начальник розыска быстро, без излишних подробностей, доложил о разговоре с захваченными группой Титова агентами, о поступивших два часа назад сведениях от армейского руководства и территориальных органов НКВД. Уже-сточение контрольно-пропускного режима и выставление дополнительных заслонов в тылах фронта позволили вычислить еще несколько десятков подозрительных личностей. По каждому случаю сейчас идет проверка. Уже выявлены три немецких агента и два осведомителя из числа оставшихся после отступления немцев жителей.

Все это напрямую касалось его управления, требовало пристального внимания. Но сейчас Вадис не мог сосредоточить мысли на текущих делах. Ибо появление инопланетных разведчиков и перспектива полномасштабного вторжения армии цивилизации, многократно превосходящей по уровню развития земную, заставляли думать только об этом.

Самохин, видя, что генерал слушает его рассеянно, замолчал. Потом спросил:

– Что-то произошло?

Вадис посмотрел на подполковника. Он колебался – говорить ему или нет об инопланетной группе? В принципе тот и сам кое-что знал, немецкие агенты, взятые ими в плен, наверняка выложили свои подозрения. А Самохин молчит, потому что просто не дошел до этого эпизода.

А еще Вадиса интересовало мнение Самохина. Обладая живым умом, высоким интеллектом, развитым мышлением, подполковник мог подать какую-нибудь идею.

Думая так, генерал смотрел на слегка удивленного Самохина. Потом едва заметно кивнул и сказал:

– Сергей Александрович, есть одна проблема. Ты должен быть в курсе. Похоже, мы столкнулись с чем-то выходящим за рамки привычного и понятного нам...

Заинтригованный начальник розыска молча смотрел на генерала, ожидая продолжения. А тот вздохнул и глянул на часы:

– Время у нас еще есть. Пойдем в мой кабинет. Там сидит Сочнов. Введем тебя в курс дела. Но помни – кроме тебя, об этом знаем только мы с ним. И эта тайна может нам стоить головы.

Самохин и вовсе перестал понимать, что происходит. Генерал в иносказательной манере словно предупреждал: «Подумай, прежде чем пойти, обратно уже не отыграешь!» Но Самохин привык всегда идти до конца и не отступать перед сложностями.

– Я понял, – ответил он и пошел следом за генералом.

Сочнов действительно был в кабинете. Он разговаривал по телефону. Закончив разговор, поднял голову.

– Звонили из отдела контрразведки тринадцатой армии. Ими задержаны два офицера, оказавшиеся неподалеку от расположения артсклада. Внятных объяснений не дают. Документы, правда, подозрений не вызывают. Среди вещей найдены запасные элементы питания к рации. Спрашивают, надо ли везти к нам?

– Пусть везут. И обеспечат надежную охрану. Виктор Андреевич, надо ввести в курс нашего дела подполковника Самохина. Как бы там ни повернулось, ему знать нелишне.

Самохин отметил, как сразу помрачнел вечно бодрый неунывающий Сочнов, и понял, что сейчас услышит что-то очень плохое. Гораздо хуже, чем работающая агентура немцев под боком у управления...

Вадис вышел из кабинета, подозвал адъютанта и велел ему разыскать майора Титова. Тот должен встретить машину контрразведчиков тринадцатой армии и забрать у них задержанных. Вплоть до особого распоряжения Титову надлежало заниматься ими. Кроме того, Вадис вновь запретил беспокоить его за исключением вызова из Москвы.

Когда генерал вернулся, Сочнов еще пересказывал Самохину историю инопланетной разведгруппы. Судя по лицу подполковника, тот с огромным трудом верил в правдивость этих слов. Но вид Сочнова и особенно Вадиса говорил, что дело обстоит именно так.

– Вот такие дела, Сергей Александрович, – произнес Вадис после того, как Сочнов закончил рассказ. – Это не шутка, не розыгрыш и не попытка немцев позаковыристее залегендировать свою группу. Сведения этих... людей, их навыки, их техника и оружие доказывают, что они говорят правду. Да ты и сам знаешь, какие показания давали захваченные ими агенты! И Титов, видимо, от себя добавил...

Самохин молчал. Показания с выживших диверсантов он снимал лично. Все несуразицы и нестыковки отметил, но пока не вникал в них, решив оставить на потом. Вот и оставил!

– У нас есть разведгруппа инопланетной цивилизации, есть сведения о второй группе, уже другой цивилизации. Мы знаем, что обе цивилизации враждебно настроены друг к другу и к нам и что в их планах завоевание Земли. Мы знаем, что обе группы оказались здесь случайно, но это вовсе не облегчает положения. И что, видимо, в течение восьми-девяти суток можно ожидать подхода новых сил обеих сторон. В сложившейся ситуации практически вся наша работа, вся борьба против Германии и ее союзников просто теряет смысл. И нас, и их ждет один конец – война на истребление, хаотичное и малополезное сопротивление и... гибель. Нам просто нечего противопоставить вторжению таких противников.

– Вторжение неизбежно? – наконец подал голос Самохин. – Это точно?

– Весьма вероятно, – ответил Сочнов. – Правда, Заремный утверждал, что его мир не станет атаковать столь развитую цивилизацию, как наша, но это только слова второго лейтенанта.

– Как?

– По нашей классификации это соответствует лейтенанту.

– Ясно...

Вадис сел за стол, положил на него руки и посмотрел на помощников.

– У нас крайне мало времени, надо решать, как быть. И решать быстро. Думайте!

* * *

...Думали. Первый вариант – доклад в Москву. И это самый простой и логичный ход. Решать, что делать, должно высшее руководство государства. Уж оно-то в любом случае найдет наиболее рациональный и верный путь решения конфликта.

Однако было одно «но»! Пока информация дойдет до Сталина, пока там поймут и осознают произошедшее, просто поверят, в конце концов, пройдет время. А если устроят проверки, заставят искать дополнительные доказательства и сведения? А если решат, что это провокация немцев? Чем выше уровень принятия решения, тем больше бюрократии, больше волокиты. Больше механизмов управления задействовано. А в таком деле и часы могут решить все...

Второй вариант – попробовать своими силами разыскать и уничтожить вторую группу. Тоже не лишняя здравого смысла идея. В районе Чернигова действуют несколько партизанских отрядов и соединение Попудренко*. Можно обратиться к ним, можно переправить группу захвата для совместных действий.

Но участие такого количества людей приведет к утечке информации. И потом, немцы в преддверии наступления прилагают огромные усилия по уничтожению подполья. Партизаны ведут тяжелые бои. Смогут ли они в этих условиях выполнить задание? И сможет ли сработать группа захвата в тылу врага?

Третий вариант – вычислить местонахождение разведки Протериса с помощью сканера и нанести бомбовый удар. Двух эскадрилий дальних бомбардировщиков должно хватить... Однако и здесь есть много минусов. Опять же расшифровка операции. И потом, нет никакой гарантии, что разведка не сменит место дислокации. Да и бомбардировка может не дать нужный результат.

Эти варианты Вадис, Сочнов и Самохин рассматривали в первую очередь. Была еще идея засылки самостоятельной группы, но ее отвергли. Организация перехода, легендирование группы, сложности работы в тылу. И потом, кого посылать? Оперативников? А кто будет работать здесь и как обосновать исчезновение пяти-шести розыскников в самый разгар работы?

Перебрав все варианты, контрразведчики замолчали. Все не то. Все не работает – либо слишком сложно, либо долго. Остается самый первый и самый простой выход – доложить наверх. И готовиться к жесточайшей проверке. А точнее, к вызову в Москву. И как бы не предочи Верховного! Чем обернется такой вызов, предугадать сложно...

Пару минут в кабинете царило напряженное молчание, нарушаемое тяжелым дыханием трех здоровых мужчин. Пауза затянулась. Потом Сочнов поднял голову, сделал глубокий вдох, как перед нырком в воду, и вдруг сказал:

– А если выйти на немцев?...

Самохин, потянувшийся к чайнику с водой, замер с протянутой рукой, глядя на полковника. Потом опустил руку и, слегка заикаясь от волнения, переспросил:

– К-как на немцев?

– Так. Наладить связь и сообщить, что в их тылу сидит группа инопланетян. И что это грозит в первую очередь им...

Самохин растерянно посмотрел на генерала. Тот сидел молча, поставив перед собой сцепленные руки.

– Но... как такое возможно? Это ведь... прямой сговор с врагом?! Предательство!

Слова прозвучали страшно, еще и оттого, что произносил их начальник розыскного отдела «Смерш». Но Сочнова было не так просто смутить. Продолжая смотреть прямо перед собой, он развивал мысль.

– Надо ввести их в курс дела. Объяснить сложность ситуации. Направить на цель. У них хватит сил уничтожить разведку этого... Протериса.

Подполковник все же налил воды из чайника в кружку, в два глотка осушил ее и поставил на подоконник. Сел на место и уже спокойнее заговорил:

– Такого нам никто не простит. Сговор с немцами, передача информации, сотрудничество...

– А мы и не будем никому докладывать. Операцию проведем сами, без привлечения других ведомств.

– Но все же... – Самохин развел руками, вопросительно посмотрел на Вадиса. – Как мы можем пойти на такое?

– Да, – словно подтверждая невысказанные мысли подполковника, произнес Сочнов, – если об этом кто-то узнает... Трибунал и расстрел. Никакие прошлые заслуги не спасут. И вряд ли мы сможем объяснить, что руководствовались благородными целями спасения страны и планеты. Но на кону стоит именно судьба всей планеты! Мы не щадим жизни в борьбе с нацизмом, все кладем на алтарь победы, так почему мы должны трусить и проявлять нерешительность, когда речь идет о еще более страшном вторжении? Это угроза не одного и даже не нескольких государств. Это уже угроза из космоса. Внешнее вторжение! Тут не до личных интересов и опасений. Будем медлить и размышлять, как бы не прищемить пальчик, – потеряем все! На этот раз действительно все!

Самохин и Вадис удивленно смотрели на полковника. Не ожидали от него такой речи. Впрочем, Сочнов тоже от себя не ожидал. Но тесное общение с пленными инопланетянами повлияло на его настрой. Он как никто другой ощутил всю опасность появления на Земле разведчиков Достеи и Протериса и первым смог оценить масштабы и последствия возможного нападения.

Как бы там ни было, слова Сочнова возымели свое действие. Вновь повисла пауза, но на этот раз короткая. Пришедший в себя Самохин сказал:

– Обращаться к немецкому командованию, видимо, не имеет смысла. У них тоже волонтеры хватает. Пока дойдет до Гитлера, пока тот поймет, что это не происки русской разведки... Время уйдет.

– Да. Надо искать ключевую фигуру. Того, кто обладает властью и возможностью на месте отыскать и уничтожить разведку Протериса.

Сохранявший до этого момента молчание генерал расцепил руки и спокойным уверенным голосом произнес:

– Разведка сейчас в районе Чернигова. Значит, выходить либо на шефа гестапо, либо на начальника абвер-группы. Гестапо...

– Прежде всего политическая организация, – подхватил мысль начальника Сочнов. – Вряд ли это лучший вариант.

– Тогда абвер. Человек, занимающийся работой в немецком тылу на оккупированной территории. Имеющий не только власть, но и возможности.

Сочнов и Самохин переглянулись. Генерал имел в виду своего визави с той стороны. А именно...

– Полковник Герман Дитрих. Руководитель отдела А-III.³ Он как раз сидит в Чернигове.

– Именно! Вполне подходящая кандидатура для такого дела.

³ Отдел А-III абвера – военная контрразведка внутри страны и за границей.

Сочнов кивнул. Пожалуй, действительно это лучший вариант. Герман Дитрих, тридцать семь лет, окончил технический институт. В армии с двадцати пяти лет, служил в армейской разведке, дошел до капитана, командира разведывательной роты пехотной дивизии. С тридцать седьмого года в абвере. Сделал карьеру с началом мировой войны. К середине сорок третьего полковник, начальник отдела. Умен, с развитым логическим мышлением, хитер, находчив. Любит самостоятельную работу. Прекрасно развит физически, боксер, одно время был чемпионом различных соревнований.

Своего противника советские контрразведчики, как и положено, изучили неплохо. Можно сказать, хорошо. Знали его сильные и слабые стороны. И не зря остановили выбор на этой кандидатуре. Но кроме всего прочего, был и еще один довод в пользу Дитриха.

Здесь играло не последнюю роль старое противостояние абвера и гестапо. Разногласия, конкуренция, борьба за сферы влияния, за внимание фюрера. К сорок третьему году накал страстей дошел почти до предела. Гестапо подозревало, и не без основания, что в недрах военной разведки зреет заговор. И делало все, чтобы узнать истину. В ход шли все разрешенные и запрещенные методы.

Дитрих, насколько было известно, к гестапо относился приблизительно так же, как тигр к шакалу, – с пренебрежением и брезгливостью. Однако ему хватало ума никак не демонстрировать свое отношение. Тем более здесь, на русской земле, абвер и гестапо работали вместе.

Такое отношение практически гарантировало, что Дитрих не станет афишировать свою связь с русской контрразведкой и не побежит в гестапо.

– Для поиска и уничтожения разведки Протериса Дитрих может использовать находящиеся у него в подчинении ягдкоманды, тыловые и охранные части, – добавил Сочнов. – Это позволит не идти на поклон к гестапо...

– А как мы на него выйдем? – размышлял вслух Самохин. – Рация исключена, шифровку перехватят. Да и не поверит Дитрих шифровке. Выход только один...

– Да, отправить к нему нашего человека. Тот должен будет рассказать об инопланетянах, причем сделать это убедительно, доказательно. И подтвердить серьезность наших намерений. Дитрих при всей его подозрительности не сможет пройти мимо таких фактов. – Вадис посмотрел поочередно на Сочнова и на Самохина. – И кого же пошлем?

Думали офицеры недолго. Самохин чуть опередил полковника и произнес:

– Титов.

– Да, – тут же вставил Сочнов. – Майор Титов. Он брал этих... с Достеи, он первый обратил внимание на странности, связанные с их появлением. Ему проще объяснить обстановку, и поверит он быстрее. Тем более...

Сочнов чуть улыбнулся и посмотрел на генерала.

– Тем более вы, товарищ генерал, как знали и вывели его в резерв. Так что его не надо с задания срывать.

Вадис кивнул, немного помедлил, потом четко и раздельно сказал:

– Значит, решено?! Никому не докладываем, не ставим в известность Москву. Отправляем к Дитриху Титова, чтобы тот изложил суть дела. И предлагаем Дитриху самому уничтожить вторую разведгруппу. И все это без каких-либо гарантий, на свой страх и риск. Понимая, что в случае провала операции и выхода ее на свет нас ждет смерть. Так?

С ответом никто не спешил. Думали. И мысли эти были тяжкими...

Им претила сама идея сговора, пусть и временного, с врагом. Вот уже два года идет беспощадная, на пределе сил и возможностей война. Два года назад немцы напали на Советский Союз с одной целью – стереть с лица земли само государство, уничтожить, вырезать на корню народ, выживших поработить, а территории захватить.

Методы и способы ведения войны, используемые немцами, полностью подтверждали их намерения. Убийства мирных граждан, казни и пытки, организация концентрационных лагерей, зверства на захваченных территориях – все это делалось с одной целью: уничтожение населения, освобождение земель для новых хозяев.

Два года Советский Союз ведет борьбу с захватчиками с максимальным напряжением, на пределе сил и возможностей. Понимая, что отступать некуда, что только заплатив огромную цену, можно уберечь государство и народ от гибели.

Война затронула всех, вошла в каждый дом. Смерть, разруха, голод, нехватка буквально всего, самых насущных предметов и вещей. Гибли взрослые, гибли дети, старики... Похоронки летели во все концы страны.

У Сочнова погиб младший брат, инженер завода. Попал под бомбежку во время эвакуации оборудования. У Самохина пропали мать и сестра. Где-то под Гомелем при отступлении. У Вадиса погиб близкий друг, боевой летчик.

На их глазах погибали и умирали сотни людей. И десятки сослуживцев. Ненависть, копившаяся в душах, заставляла, забыв обо всем, не жалея себя, стиснуть зубы и воевать! Уничтожать врага и прислуживающую ему пададь из изменников и предателей Родины. И они воевали! Как и весь народ. Каждый на своем месте делал все, чтобы как можно быстрее разгромить врага и освободить родную землю.

И вот в самый разгар войны, накануне новой стратегической операции, руководство контрразведки планирует сговор с абвером! С врагами, которых надо давить и убивать! Такой шаг вызывал вполне оправданное сомнение в его правильности. И не зря офицеры, да и сам Вадис, не спешили принимать окончательное решение.

Был здесь еще один фактор. Если вдруг кто-то посторонний узнает об этой тайной операции, о контакте с абвером, всех причастных предадут суду специального трибунала. И смерть покажется спасением от участи, какая ждет заговорщиков! Ни Сталин, ни кто-либо другой не простят их, даже если они действовали из лучших побуждений. Впрочем... хватит и того, что не простит Сталин.

Все это было на одной чаше весов. А на другой – осознание того факта, что планета Земля может стать объектом агрессии космической цивилизации, превосходящей по своему развитию и возможностям все земные государства вместе взятые. И цель агрессии одна – захват планеты и истребление ее жителей!

В некотором роде это те же нацисты, только во сто крат сильнее и опаснее. И с ними тоже надо бороться, не щадя сил и жизни. И вот сейчас в данный конкретный момент обстоятельства требовали не щадить себя именно их – руководство контрразведки фронта. Забыть о страхе, нерешительности, о предательстве. Забыть даже о войне с немцами и их союзниками.

Приоритетность задач поменялась. Теперь главным врагом стали инопланетяне. И чтобы отвести угрозу нападения этого врага, надо пойти на сговор с прежним врагом.

Взять на себя ответственность и сделать это могли только уверенные в своей правоте, сильные духом, смелые и даже в чем-то рискованные люди. Привыкшие не только принимать решения, но и отвечать за них!

Генерал-майор Вадис, полковник Сочнов, подполковник Самохин, несомненно, были такими людьми. В противном случае они бы никогда не занимали нынешних должностей и не служили в «Смерше». Идя на такой шаг, они понимали всю полноту ответственности и риска. Понимали, что подписали себе смертный приговор. И все же...

– Да, товарищ генерал! – встал Сочнов. – Мы сделаем это!

– Так точно! – тоже встал Самохин.

И Вадис, уловив в их словах, голосе и движении не только согласие на операцию, но и готовность идти до конца, тоже поднялся. Вполне понятное волнение охватило всех троих. Чтобы сбить налет неловкости и помпезности, Вадис вновь сел, махнул рукой и легонько усмехнулся.

– Заговорщики, эти ее мать! Ладно, взяли грех на душу. А теперь перейдем к конкретике. Виктор Андреевич, на тебе организация перехода Титова, разработка его легенды. Документы, форма, все как положено.

– Есть. Только один момент.

– Да?

– Титов сам по себе многого не сделает. Дитриху надо предоставить железные, двухсот-процентные доказательства присутствия здесь инопланетян. Иначе он заподозрит хитрую игру.

– Твои предложения?

– Отправить с ним кого-то из разведчиков Достеи. Вернее, не кого-то, а женщину. Глемм. Заремный пока слаб, да и нужен здесь со своей аппаратурой.

– Согласен! Но их надо убедить помочь нам.

– Это я беру на себя. Сейчас же! Заодно Титова найду, пусть входит в курс дела.

Генерал довольно кивнул и повернулся к Самохину:

– Сергей Александрович, ты готовишь легенду командировки Титова. Чтобы ни у кого не возникало вопросов по поводу его отсутствия.

– Понял.

– Ну а я... – Вадис вздохнул, нахмурился. – Прикрываю все это дело и держу на расстоянии НКВД. Видимо, это и будет самым сложным... по крайней мере здесь.

Генерал посмотрел на часы и добавил:

– Приступаем! У нас и так очень мало времени в запасе. А еще столько дел висит. Придется работать на два фронта.

– Ну, нам к авралам не привыкать, – насмешливо заметил Самохин. – Выдюжим.

– Хорошо бы. Все! Давайте начинать!

5

Удивительно, но толком выспаться за последнюю неделю Титов смог именно в управлении. Лег он во взводе охраны, в длинной узкой комнате, где никого в этот час не было. Его разбудили в начале четвертого, пригласили пообедать. Как ни удивительно, но начальство не трогало его, словно забыло. Не привыкший к такому майор тем не менее не спешил лезть на глаза. Надо будет – найдут, а раз не ищут, значит, можно отдохнуть. И после обеда он вновь пошел во взвод охраны.

Во второй раз его разбудили уже в седьмом часу и передали распоряжение Сочнова – встретить оперативников из тринадцатой армии и принять у них задержанных. Провести первое дознание, постараться выявить их принадлежность к немецкой агентуре.

Задержанных привез лейтенант Маслаченко из группы погибшего капитана Тихонова. Его появление напомнило Титову об утренних событиях и заставило окончательно проснуться и прийти в себя.

Задержанные – лейтенант и младший лейтенант – выглядели помятыми, обмундирование грязное, зазеленело на коленях, локтях и груди. На левой скуле у лейтенанта наливался здоровый синяк, у его товарища ободран подбородок, при ходьбе бережет правую ногу.

– Сопротивление оказывали, – пояснил Маслаченко. – Брали с шумом.

При задержанных нашли вещмешки и личное оружие. Их и документы Маслаченко передал Титову вместе с объяснительными тех, кто задерживал предполагаемых агентов.

Титов недовольно скривил губы – предстояла долгая и рутинная работа с людьми и документами. Он всегда предпочитал ей работу в поле. Однако, судя по последним событиям, о ней предстояло впредь забыть. Не сегодня-завтра его переведут на другой фронт, вероятно, начальником розыска, и там придется больше сидеть в кабинете и работать с документами.

Начал он с ознакомления с объяснительными, потом перешел к захваченным документам и вещам. Пока картина вырисовывалась ясная – задержаны немецкие агенты при попытке либо отыскать артсклад, либо уничтожить его.

Правда, взрывчатки при них не было. Как и в радиусе километра от того места, где их взяли. Значит, первый вариант. Странно только одно: зачем агенты – люди далеко не глупые – потащили с собой запасные элементы питания? Это явная улика.

Документы на вид были в порядке, их надо отправлять на экспертизу. Факт оказания сопротивления тоже не вызывал удивления. Эти двое могли принять нападавших контрразведчиков за немецких диверсантов. Запросы в часть, указанную в документах, Титов отправил. Ответ надо ждать через день-два. Пока же он мог только допросить задержанных и попробовать выяснить их сущность. Сделать это сейчас, когда задержанные немного пришли в себя и оценили обстановку, сложнее, но вполне реально.

Однако начать допрос Титов не успел. Его нашел Самохин и приказал срочно прибыть к полковнику Сочнову. Самохина майор знал довольно давно и успел хорошо изучить. И сейчас заметил тщательно скрываемое волнение в лице и голосе подполковника. Видимо, что-то произошло. И не очень приятное. Но спрашивать Титов не стал. Бросил «Есть!» и поспешил к Сочнову.

Заместитель начальника управления был у себя, сидел за столом и просматривал какие-то документы. Вошедшему Титову кивнул и выслушал короткий доклад о проведенной работе с задержанными. У майора было впечатление, что Сочнов слушает его невнимательно, даже рассеянно. Закончив доклад, он замолчал, ожидая дальнейших распоряжений.

Сочнов еще несколько секунд смотрел на документы, потом сунул их в папку и отодвинул ее в сторону. Поднял голову и смерил Титова пристальным взглядом.

– Для тебя есть особое задание. Крайне сложное и... очень рискованное. Прежде чем рассказать о нем, предупрежу – можно потерять не только голову, но и... офицерскую честь. О сути дела знают только три человека, ты – четвертый. Если узнает пятый – погибнут все. У тебя есть несколько секунд, чтобы решить – будешь ты выполнять задание или нет.

Титов от удивления едва не разинул рот. За все годы службы ему впервые говорили такие слова. Нет, риск, опасность, ответственность сопровождали все задания. Но вот потеря офицерской чести! Что это значит?! Крайне узкий круг посвященных – видимо, все руководство управления. Но что такого ему могли поручить, чтобы так предупреждать, не говоря сути дела? ... Переход линии фронта? Работу у немцев по легенде? Может, это как-то связано с захваченными сегодня агентами и неизвестной группой?

Самохин и Сочнов не зря отмечали развитые логическое мышление и интуицию майора. А также умение анализировать, сопоставлять и делать порой неожиданные, но, как ни странно, верные выводы. И сейчас Титов почти угадал, какое задание ему хотят поручить. Но гадать – одно, а знать – совсем иное.

А еще он не привык отступать. Ибо умение рисковать, ходить по лезвию бритвы – одна из особенностей его работы.

– Слушаю, товарищ полковник! – ответил он после небольшой паузы.

– Угу! – довольно кивнул Сочнов. – Тогда садись. Первое: что бы ты сейчас ни услышал – это правда. Поэтому восклицаний типа «не может быть» и «такое невозможно» лучше не произносить. Второе – вопросы на иные темы задавай сколько влезет, но только после того, как я закончу. Ясно?

– Так точно!

– Оставь казенный тон и устав. Сейчас это не важно. Да... – Сочнов поднялся, жестом остановил Титова, вскочившего было с табуретки. – Это помещение, как и другие, в которых ты бываешь, защищено от прослушивания. Говорю, чтобы ты не отвлекался от главного. А теперь перейдем к сути дела...

Сочнов облокотился на крышку стола, скрестил пальцы и набрал воздуха в грудь, прежде чем начать говорить.

...Он рассказал Титову все. О существовании инопланетных цивилизаций, ведущих войну и активный поиск пригодных для жизни миров. Об агрессивной политике в отношении обнаруженных обитаемых планет, о разведгруппе Достей, о разведке Протериса. О том, чем грозит Земле в целом и СССР в частности появление вооруженных сил этих миров на орбите. О плане, который придумали Вадис, Самохин и он – Сочнов, – чтобы спасти Землю. И об идее просить помощи у немцев, а конкретно у начальника отдела абвера полковника Дитриха. И о том, что эту рискованную смертельно опасную миссию решено поручить ему, майору Титову, как наиболее подготовленному во всех отношениях сотруднику контрразведки.

Не утаил, что риск операции прежде всего связан с разоблачением своими же органами. Что автоматически означает трибунал и расстрел. И объяснил, почему решено не ставить в известность высшее руководство страны.

Сказать, что Титов был удивлен, значит не сказать ничего. Изумление, непонимание, неверие, подозрение, что Сочнов свихнулся от перенапряжения, мысль о том, что это хитроумная проверка лояльности и преданности. И под конец постепенное понимание, что все сказанное – правда.

Осознание этой правды далось Титову нелегко. Так же нелегко, как и остальным посвященным в суть дела. Но ему было немного легче. Все же информацию передавал не пленник, а заместитель начальника управления.

И все же Титов долго приходил в себя. Чужие миры, цивилизации, вторжение инопланетян!.. В детстве он любил фантастику. Читал Уэллса, Беляева, Толстого. Но относился ко всему как к интересному вымыслу. А здесь на тебе – никаких домыслов и выдумок! Все реально, все по-настоящему...

Сочнов не торопил майора, дал ему время прийти в себя. Ответил на десяток вопросов, которые Титов задал, и еще на полдесятка незадаанных, но готовых сорваться с языка майора.

Потом прихлопнул ладонью по столу.

– Все, хватит! Теперь ты в курсе дела. Решай, будешь выполнять задание или нет?

Титов встал, покрутил головой, словно приходя в себя, и посмотрел на Сочнова.

– Так точно, выполню! Я все понимаю! У нас нет другого выхода. Значит, надо сделать все, что можем.

В этот момент открылась дверь, и в кабинет вошел Вадис. Титов встал по стойке «смирно», но генерал махнул рукой и прошел к столу. Посмотрел на Титова, перевел взгляд на полковника.

– Как? Ввел в курс дела?

– Так точно!

– И?! – Вадис внимательно посмотрел в глаза майору. – Ты понимаешь, Илья, всю сложность операции?

Генерал впервые назвал его по имени, и от этого сердце Титова сжалось еще сильнее. Вадис тем самым показывал, насколько серьезно положение и что сейчас не до субординации. Перед лицом катастрофы мирового масштаба чины и звания теряли смысл.

– Я все понимаю, товарищ генерал! Я сделаю все, что от меня зависит.

– Хорошо! Будем считать, ты приступил к работе. Легенду операции и ее детали тебе доведут Виктор Андреевич и Самохин. Скажу одно – рассчитывать тебе придется только на себя и на свои силы. С самого начала и до того мига, когда вернешься сюда...

Вадис запнулся, с языка едва не слетело «если вернешься». Титов вроде бы понял это, но не отреагировал.

– Ладно, не буду тебя загружать. И без меня загрузят. Помни еще одно – что бы там ни вышло, ты только исполнитель. Всю ответственность за операцию несем мы. И прежде всего я!

Титов понял генерала. Тот фактически принимал весь огонь на себя и готов был выгорать всех. Что ж, это достойно уважения. Титов всегда уважал Вадиса за принципиальность и знал, что тот стоит горой за своих подчиненных.

– Все! – Генерал подошел к Титову и крепко пожал ему руку. – Я верю в успех! И жду твоего возвращения!

Откровенная, немного грубоватая речь генерала, как ни странно, сняла внутреннее напряжение и привела мысли Титова в порядок. Вадис умел настроить на нужный лад.

Когда Вадис вышел, полковник глянул на часы и сказал:

– А теперь нанесем визит нашим «гостям». Они еще не в курсе этого плана, но, думаю, возражать не станут. Ибо больше нашего заинтересованы в уничтожении разведки противника.

Титов вышел из кабинета вслед за полковником, испытывая вполне понятный интерес. Ему хотелось поближе взглянуть на настоящих инопланетян. Пусть даже он их и захватывал. Но тогда это был просто оказывающий сопротивление противник. Безликий и неизвестный...

Разведчики Достеи были на прежнем месте, сидели в своей комнате. За ними сперва присматривали два стажера из розыскного отдела, но час назад Самохин снял одного. Остав-

шийся бдительно наблюдал за дверью, но это уже было лишним. Бежать разведчикам некуда, да и незачем. Сочнов уже намекнул, что к ним есть дело, важное для всех.

Глемм уже полностью оправилась от ранения и контузии. А Заремный сумел значительно поправить свое состояние. Но до полного выздоровления было далеко, и он лежал в кровати, проводя упражнения специального восстановительного комплекса.

Они успели обсудить ситуацию и найти ее крайне неблагоприятной. Разведка, по сути, провалена, что в принципе не их вина. Сбой программы, выход в неизвестном районе космоса, отсутствие всякого прикрытия и поддержки. В таких условиях гибель группы предрешена. Тем более в таком развитом мире. Что и произошло. Единственная надежда, что русские не станут убивать пленников, а как-то используют их. Надо соглашаться на все условия, лишь бы дожить до открытия «окна». А там, глядишь, и помощь подоспеет...

* * *

К вечеру, когда почти все вопросы были обговорены, делать стало совсем нечего. Заремный хоть был занят своими ранами, а Глемм сидела на койке – узкой металлической конструкции из подпружиненной сетки – и смотрела за окно. Скудный однообразный пейзаж.

В голову лезли разные мысли, но все они упорно сворачивали на одно – что произошло во время перехода? Почему их выбросило сюда? Второй лейтенант Марита Глемм была специалистом по системам связи и навигации. Однако даже она не могла точно назвать причину сбоя системы. Хотя версии выдвигала вполне логичные.

...Разведка вновь открытого мира проводится по стандартной схеме. На дальнюю орбиту планеты через «окно» выходит автоматическая станция для первичного сбора данных. Внешний вид и структура поверхности планеты, радиотехническая, химическая, радиационная и биологическая разведки. После обработки данных командование принимает решение о высылке разведотряда. Он обычно состоит из восьми – десяти разведгрупп и семи-восьми взводов прикрытия. Высаживаются группы в разных точках планеты и проводят вторую часть разведки. Исследуют обстановку, вступают в контакт с аборигенами (если они есть), фиксируют активность животного мира. На основании этих данных должно быть принято решение о захвате планеты.

Система разведки отработана и никогда сбоев не давала. И в этот раз все пошло нормально. Автостанция сняла показатели, определила планету как пригодную для заселения, отметила некоторую активность на поверхности. Разведотряд, уже рассредоточенный по капсулам, был готов к переходу. «Окно» работало нормально. После сигнала готовности пошли первые десантные капсулы и небольшие грузовые боты с пехотными роботами.

Капсула Заремного шла девятой. В последний момент перед заходом в «окно» все настройки бортового компьютера вдруг сбились, а векторное поле «окна» сменило параметры. Заремный не успел даже взять управление на себя, когда капсула вошла в «окно».

Процесс переброса идет всего две-три секунды. Так что, когда разведчики опомнились, внешний экран капсулы показывал край планеты, на орбиту которой они вышли. Причем вышли одни. Ни других капсул, ни ботов не было видно.

Делать нечего, Заремный дал добро на посадку, и капсула начала разгон для второго прыжка уже на планету. И буквально за пять секунд до прыжка бортовой компьютер обнаружил неподалеку еще два объекта искусственного происхождения. Причем классифицировал их как враждебные.

Во всем космосе враждебными считались только суда Протериса. Значит, противник тоже обнаружил новую планету и готовил разведку. Странно, но количество капсул и ботов

противника было невелико. А потом стало не до размышлений. Капсула высадила разведчиков на окраине какого-то леса, и Заремный дал команду уходить как можно дальше.

Затем был марш-бросок на пять километров, первичный осмотр, захват первых пленных, допрос. И... понимание того, что их вынесло не к той планете, к какой они шли...

– Только внешний фактор мог повлиять на работу «окна», – высказала уже здесь предположение Глемм. – Либо сбой схождения, либо... смещение координат.

– Смещение координат – это как минимум образование сверхновой! – предположил Заремный. – И относительно недалеко от нас.

– Может быть, – равнодушно кивнула Глемм. – Нам от этого не легче.

– Да. Эрт тоже об этом говорил...

Глемм вспомнила Эрта Самента и других парней и с некоторым трудом подавила вздох. Хотя годы войны и выработали привычку спокойно относиться к потерям друзей и товарищей по оружию, но совсем привыкнуть к этому она не могла. Да и никто не мог. А тем более к потере такого балагура и весельчака, как Эрт.

* * *

...Разведывательные группы отдельной разведывательной бригады Достеи состоят из пяти человек. Это оптимальное количество людей для выполнения задания. Роли в группе четко распределены. Командир выбирает тактику и последовательность работы, осуществляет общее руководство. Специалист по работе с техникой отвечает за функционирование специальной аппаратуры. Старший разведчик и разведчик отвечают за захват пленных и иные силовые акции. Снайпер прикрывает группу, ведет визуальное наблюдение, при необходимости возглавляет огневую подгруппу. Конечно, каждый в группе мог подменить другого, отработать за него. Базовая подготовка у всех одинаковая. Но такая необходимость практически никогда не случалась.

В группе Заремного снайпером был Эрт Сумент. Еще сравнительно молодой, но очень опытный разведчик. Ему только-только стукнуло сорок. Бригадная знаменитость, любимец командиров и душа компании.

Когда Глемм пришла в группу, Эрт взялся опекать ее и помогать на первых порах. Хотя он был всего лишь капралом, а Глемм – офицером в чине второго лейтенанта.

Глемм помнила фотографии семьи Самента – жена, трое детей (после начала расселения запрет на рождение второго ребенка был отменен). Теперь его семья осталась без кормильца. Хотя военная пенсия позволит им вполне прилично жить, а дети получают гранты на учебу и медицинское обслуживание. Как и семьи сержанта Гуго Шапеля и рядового Массимо Охавы, их товарищей по оружию, сложивших головы на этой неизвестной и такой негостеприимной планете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.